

Владимир Никитин: Вот она сделала общее введение небольшое, и потом мы начали работать по этим вопросам, если у кого-то после ее выступления понадобится добавить какие-то вопросы, мы это обсудим. Очень... единственное, что я буду просить – это регламент, так как мы все люди занятые, до бесконечности сидеть не можем, то реплика три минуты, выступление 5 минут, на вступление до 15 минут.

Юля: Хорошо. Все согласны? В таком случае я начну. Господи, я постараюсь побыстрее. Да, откуда родилась история общественного совета вообще. Существует три категории людей, которые... которым в итоге пользоваться, три категории общественности...

Тимур Ибраимов: Доступ какой, ну, все чудесно, а технологически доступ какой к сети, запароленный WI-FI?

Юля: Я тебе могу дать свой I-Pad с этим самым... Ну, давайте подождем, пока Тимур разберется с интернетом. Да, помочь?

Тимур Ибраимов: Не надо, сейчас все будет, все нормально, не волнуйтесь.

Юля: А кто-нибудь еще хочет кофе, чай? Можно я продолжу, у меня уже осталось 13 минут. Да, значит, откуда у нас, если посмотреть на ситуацию, кого вообще задевает вопрос культурной площадки на квартале «Юность», у нас есть три категории людей. Первая категория – это активная общественность, которая интересуется вопросом, которая приходила на митинг, которая... Ну, с которой мы ведем диалог собственно на Facebook. Часть из этой общественности сейчас молчит, потому что их там все, как правило, молчат люди, когда их это не волнует, когда их все устраивает, да, ну, как бы. Часть людей, к счастью, до сих пор этим занимаются. Спасибо вам, что вы есть, потому что это для нас способ, ну, спор в данном случае – это действительно то место, где родится истина, я в этом абсолютно уверена. Это активная общественность, экспертная общественность – это люди, которых мы специально опрашиваем, у нас уже на сайте по-моему 87 интервью, то есть их больше. Я сегодня с утра пересчитывала – 87, их там будет около 150, по крайней мере провели мы где-то уже столько. Зачем нужны эти интервью? Затем, что экспертная общественность, если бы я не пришла к ряду людей и не сказала, пожалуйста, скажите, что вы думаете, мы бы никогда в жизни... Вот, например, просто отличный пример семья Малаковых. Дмитрий Малаков, киевовед, и Ирина Малакова, архитектор, то есть, если бы мы к ним не пришли, они бы вряд ли пришли бы сами на Facebook что-то там рассказывать, понимаете да. Поэтому нужны эти все интервью, для того, чтобы вовлечь в интервью максимальное количество экспертов, которых уважают люди. Есть также широкая общественность, которая вообще, либо ничего об этом не знает, либо знает, но не понимает, что там происходит, но которая будет в итоге этим всем пользоваться вместе с нами. Для того, чтобы обеспечить представленность точек зрения всех заинтересованных людей, для того, чтобы соблюсти баланс между экспертами и общественностью, вот просто несвязанными ни с культурой, ни с организацией городской среды, был придуман общественно-экспертный совет. Обе палаты совета выборные. Общественную палату выбирают люди голосованием на сайте в данный момент. Функция общественной палаты – она вырабатывает решение о том, какие культурные кластеры обязательно должны быть представлены в этом пространстве, то есть они принимают решение и говорят, например, вот там 100% должен быть музей, парк, театр и, я не знаю, океанариум. Моя любимая новая идея. Хогвартс, может знаете, супер предложение есть, шикарное. Вот да, они решают, что нужен Хогвартс, например, и океанариум, вот кроме того они вырабатывают рекомендации. Рекомендации – это очень важная штука, потому что экспертная палата, она не может просто так отмахнуться от этой рекомендации. Вот, Константин, у вас просто был вопрос «влияние общественной палаты на экспертную», вот это вот про это. Если общественная палата говорит, например: не строить ничего выше 3 этажей, не строить стекляшку, не строить то, не строить се, и построить Воздвиженку, да. Экспертная палат рассматривает эти рекомендации, говорит: «с первыми 4 мы согласны, по поводу пятого у нас есть обоснованная, аргументированная, почему мы считаем, что Воздвиженку строить не надо». При этом экспертная палата еще и ведет публичную дискуссию до достижения консенсуса, если есть вот такой же жесткий спор между общественной и экспертной палатой. Публичная

дискуссия в этом проекте – это вообще наше все. Вот, да, экспертная палата получает этот фактически социальный заказ, на основании этого социального заказа делает архитектурное задание для архитектурного конкурса, задание для архитектурного конкурса, для... вот там написан вопрос «внешние консультанты». То есть мы уже сейчас понимаем, что в экспертной палате, что гидрогеологи и археологи, вот архитекторы сказали, что писать задание должны архитекторы, возможно культурологи и искусствоведы там должны быть. Вот это такой очень важный вопрос. А что же касается, да, а гидрогеологи и археологи, и, например, управляющие культурными центрами, они должны быть внешними консультантами, которые представляют свои исследования, справки и так далее. То есть по гидрогеологии, просто пример, у нас есть, например, данные, масса данных, да, я так понимаю, да, Антон? Пока разрабатывался этот проект, ну то есть, есть куча справок. (Разговор по телефону). Прошу прощения, архитектор Духовичный. И у нас есть, например, поскольку мы делали интервью с Вадимом Рыбиным, которого все сильно уважают, такой единственный гидрогеолог, которого нам рекомендовали раз 15, наверное, и он нам дал справку, которую он уже подготовил по гидрогеологии, она вот у меня дома лежит. Она также будет представлена совету на рассмотрение, как я уже много раз говорила, совет получает массу, что общественная палата, что экспертная палата получают много информации. Эта информация – это результаты исследования GfK, это историческая справка, это результаты голосования на сайте за назначение, которое они не обязаны выбрать первые три, они могут выбрать что-то другое, но они должны понимать как, что хотят люди. Это повлияет на их решения, далее они получают все интервью, которые мы сделали, потому что это очень важно, в этих интервью есть очень интересные идеи, в этих интервью есть очень интересные опасения и рекомендации, и вот эксперты, что первой палаты, что второй палаты, они должны будут это дело изучить. Для того, чтобы не лоббировать, понять, насколько разные мнения есть по этому поводу. А теперь переходим к моему предложению по поводу того, по поводу этих вопросов. Или нет? Или да?

Владимир Никитин: Подожди, к тебе вопросы есть?

Константин Колесников: У меня есть вопрос тоже.

Владимир Никитин: Пожалуйста, только по очереди.

Андрей Косецкий: Я вот как-то до конца не понял, все-таки функция экспертной палаты в том, что она формирует задание на конкурс, а каким образом она, ну, обрабатывает решение общественного совета по поводу назначения, вот, в первую очередь, как бы вопрос назначения интересует, то есть общественный совет говорит, ну вот это, это и это. И это нужно построить. А экспертный совет просто принимает это решение, он никак там его не додумывает, не аргументирует. И второй...

Владимир Никитин: Давайте... к этому вопросу. Запомните этот вопрос, мы его будем в том месте.

Андрей Косецкий: Продолжение этого вопроса: насколько детально должно быть прописано как бы, ну, концепция назначения этого объекта, чтобы архитекторы могли...

Юля: Объясню, объясню, оно должно быть не детально.

Андрей Косецкий: Одного предложения, что там должно быть 5 объектов – этого не достаточно для работы архитекторов.

Юля: Этого достаточно, потому что дальше в процессе конкурса сами авторы, понимаете.

Георгий Духовичный: Подождите, а вы кто?

Юля: Георгий Самуилович, давайте я вам...

Георгий Духовичный: Я человек новый, поэтому я от имени архитекторов скажу, что вы не совсем... У нас есть определенная методика работы. Вы кто по специальности?

Андрей Косецкий: Социолог.

Георгий Духовичный: Отлично, так вот.

Владимир Никитин: Единственная просьба, я тут жестко взялся вести.

Георгий Духовичный: Нет, так я просто пытаюсь объяснить, что есть определенный порядок и, к сожалению, социологам не удастся переломить ситуацию с тем, что мы работаем, регламенты, определенных законов. Мы работаем по документам, которые

называются «Задания на проектирование», значит, в этом задании написано все то, что нужно архитектору для того, чтобы проектировать, не больше, не меньше нам не нужно. Самое главное, чтобы стояло две подписи: архитектор, который согласен, что это не бред, и заказчик, который уверен, что он заказывает именно то, что ему нужно. И рассуждения социологические на эту тему совершенно излишни, потому что, извините, за последние 150 лет это во всем мире единственный способ нормального проектирования.

Георгий Духовичный: Учли, но в свое время вернемся. Пожалуйста.

Тимур Ибраимов: Понимаете, мне кажется, что рассуждения. То есть Рыбина глубочайше уважает весь Киев, но что собственно здесь, разве можно проектировать без гидрогеологии. Вот я об этом говорю, ребят, зачем это обсуждать. Далее, ну разве непонятно, что архитектор сделает на основании ТЗ, ну да, да. Это аксиома.

Юля: Что аксиома?

Тимур Ибраимов: Что архитектор делает на основании задания. Так вот вопрос концепции формирования задания, способы отбора людей, потому что, ну простите, как без черных шаров, ну каким образом?

Юля: Поясни, пожалуйста, Тимур, я тебя лично сто раз спрашивала по поводу черного шара. Расскажи, что ты об этом думаешь, когда черные шары, кто. И я не знаю, да.

Георгий Духовичный: Такой черный оппонент.

Тимур Ибраимов: Ребят, это аксиомы, если есть контраргумент против человека, который претендует в экспертную группу.

Юля: У кого есть контраргумент.

Тимур Ибраимов: Пример, я задавал вопрос.

Юля: То есть, если хоть у кого-нибудь есть контраргумент, ты предлагаешь человека исключать из списка.

Владимир Никитин: Давайте, у нас есть процедура, записана конкретно, будем обсуждать этот вопрос.

Тимур Ибраимов Да, окей, будем обсуждать, но вот мы занимаемся сейчас, мне кажется, созданием административного органа, а надо придумать концепцию выработки проекта, который родит задание для архитектурной группы. То есть принципиально неправильный подход, на мой взгляд. Это бывает. И мужество заключается в том, чтобы признать ошибочность.

Юля: Ты пока никак ее не доказал.

Тимур Ибраимов: А я не буду доказывать.

Владимир Никитин: Евгений, в чем я с вами согласен и поддерживаю, сначала надо понять смысл, потом его организовывать.

Тимур: Совершенно справедливо, то о чем я говорил.

Владимир Никитин: Но до этого мы тоже дойдем, постараемся.

Дмитрий Удин: Очень маленький коротенький вопрос, а вот положения в этих двух советах.

Юля: В процессе подготовки после сегодняшней встречи будет чуть-чуть понятно, задерживается именно потому, что ответов на эти вопросы у нас пока нет.

Дмитрий Удин: Потому что все-таки текст такой жесткий подписан, а вот как бы более...

Юля: Есть проект, серьезно, он разрабатывается, вот вчера мы его...

Владимир Никитин: Значит, как я понимаю, первый вопрос, который надо там отметить – это процедура взаимоотношения между общественным советом и экспертным советом и их участие во всех трех этапах или четырех, если брать еще и принятие решения. Так, пожалуйста.

Евгений Карась: Значит, смотрите, мы рассматриваем, по сути, вон тот интеллектуальный ресурс, который сейчас у нас получился, да – это интервью, это выборка неких предварительных экспертов, которые вошли, там, в общественную палату и как признаны. Вот на самом деле, вот результаты, ну, скажем вот этих списков, которые принесли, они показывают на то, что это все очень контрационно, то есть в общественную палату например, и в опрашивание не вошли, не вошли, там скажем, из композиторов, из тех,

кто реально что-то делает на поле музыки в качестве организаторов, да, и экспертов, не вошла, ... не вошел один из ведущих сейчас модных композиторов Щетинский, не вошел, например, Гров, который читает лекции по современной музыке и люди, которые организуют фестивали. Вот то есть сам подбор интервьюируемых, он очень тенденциозен.

Юля: Жень, каким образом это было сделано, я обратилась к активной общественности, значит, активная общественность не разбирается в музыке.

Евгений Карась: Секундочку, значит я о том, что я очень уважаю демократию, но результаты вот этих опросов они дают нам возможность посмотреть кто что думает, но это тоже тенденциозно, то есть там не опрошены те, которые, мне кажется, нет, там конечно очень много опрошенных и очень важных людей, и правильных, да. Но там нет каких-то ключевых людей, да. Поэтому сам способ подбора, он очень тенденциозный. Дальше, человек, которого спрашивают, допустим, чтобы он хотел... тут он не был гениальный художник, да, вот, он не получив какие-то определенные первоначальные сведения, как человек, который никогда кроме картин ничего не писал да, он конечно не даст нормальное интервью. Потом, когда он начнет об этом думать, следующее интервью его будет гораздо лучше. Да, поэтому опираться вообще на интервью, больше того, ну, вводить это интервью, как экспертное заключение тоже нельзя.

Юля: А это не экспертное заключение, Жень.

Евгений Карась: Ты говоришь, что на основании этих интервью нужно там... ну, не важно.

Юля: Я не говорю, что на основании, я говорю, что это способ познакомиться с полем смыслов, которые накидали.

Евгений Карась: Потом смотрите, вот допустим, нам принесли результаты голосования, это тоже настолько тенденциозно, то есть тут как бы, допустим, там Юрий Рынтовт на каком-то неизвестном месте, да, который один из немногих там, за которым следит европейское архитектурное сообщество, значит, вошел в какую-то десятку, там, ну, не важно, то есть это просто пример. Я не хочу сказать, что именно Юрий Рынтовт, но он почему-то на таком месте, а Петр Маркман, который мною очень уважаемый, который действительно, он на первом месте, почему.

Юля: Люди его знают.

Евгений Карась: Потому что люди его больше знают, вот. Точно также я могу, вот, я почему то на, не важно, скажем, там, в качестве художников, вот музыкантов - Олег Скрипка.

Юля: Жень, ну что мы можем сделать с тем, что люди так думают?

Евгений Карась: Я просто говорю о том, что это очень тенденциозно, а художники, например, Лесь Поддеревянский, хотя он на самом деле, а на втором месте Иван Марчук, вообще караул. То есть Лесь Поддеревянский, который больше поэт, чем художник, да, потому что он средний художник.

Юля: Ему верят, как моральному авторитету.

Евгений Карась: Это ни о чем не говорит, это, то есть. Первое, о чем я хочу сказать, что нельзя вообще опираться, то есть можно это как бы иметь в виду, принимать во внимание, потому что это очень важный труд. И может быть очень интересно, как звучало интервью, какая часть была абсурдна, какая часть интересна. Вот поэтому, мне кажется, что все-таки техническое задание нужно делать, и вообще, начинать не со списка профессий, которые должны быть, потому что нужно говорить о личностях, а не о профессиях, да, и вообще нужно начинать...

Юля: Нет. Жень, потому что если палата архитекторов, то мы не можем сейчас выбрать личности.

Евгений Карась: И о личностях, и о профессиях, да.

Владимир Никитин: Давайте я просто...

Евгений Карась: И последнее, что я хочу сказать, чтобы закончить, что нам нужно сначала, и я в Facebook тоже черкнул, что нам очень важно понять вообще, что мы хотим видеть, да, и вот есть экспертное сообщество, да, есть архитекторы опытные, которые

понимают. Что там может быть, что не может быть. Есть какие-то люди, которые организовывали какие-то процессы, вот, и поэтому, чтобы не рассуждала, как бы широкая общественность, есть какие-то определенные профессиональные, ну, как бы, в том числе и социолог. Я считают, что это важная часть, ну, социология и маркетинг, то есть есть какие-то определенные вещи, которые, мне кажется, вот сейчас, да, нужно обсудить – это как, что там может быть или чего не может быть. Таким образом, мы очертим большими кусками вот этот как бы объем.

Юля: Женя, если бы...

Владимир Никитин: Ну, не надо препираться. Я хочу понять, что люди говорят, потому что, если мы начнем каждый сейчас говорить о своем наболевшем, мы можем долго плакать, как Ярославна. Значит, как я вас понял, может неправильно. Значит. В чем проблема. Вот у нас есть конечный результат, мы хотим нечто получить в результате конкурса, и инвестор этим займется, и что-то там на Андреевском спуске возникнет. Для того, чтобы, при этом мы должны понимать простую вещь – никогда мы всех не удовлетворим, не бывает такого, чтобы все сказали «ну полный восторг!». При этом мы имеем уже в истории те случаи, когда вроде бы сделали прекрасный фон, просто выдающиеся архитекторы, так сказать, сделал, а реализовывать не могут, вся общественность против. Это допустим здание Мариинского центра, огромный конкурс, огромные деньги затратили, все, сделали проект на уровне мировых, а он не садится в этот кусок Петербурга, хоть сдохни. И все, кто, как бы считают себя болеющими за Петербург, стали стеной. То есть как-то были пройдены все предыдущие этапы, а в конце все равно вышло как всегда. Значит, поэтому у нас есть, какие у нас могут быть, с моей точки зрения, ну, не гарантии, гарантии никто не дает. Какие у нас могут быть меры для того, чтобы избежать некачественного результата, так сказать. Это каким-то образом участие в принятии решения по конкурсу, чтобы оно не было сделано так, чтобы потом были обвинения, что решение принято без учета, у нас есть точка, связанная с созданием задания на проектирование, с его завершением. И у нас есть точка, связанная с формированием отношения к этому месту. Это то, что прошло сейчас. Причем вы же понимаете, что это выборочная вещь и проблема. Вы болеете за город в том, чтобы была некоторая процедура, которая исключает эти вещи. Потому как мне, например, не понятно, Львовская площадь по исторической значимости не хуже Андреевского спуска, там сгромоздили здание, никто не пикнул.

Андрей Косецкий: Не успели.

Тимур Ибраимов: Только там?

Владимир Никитин: Не только там. Я говорю, что тьма таких случаев, в каких-то местах народ поднялся, в каких-то - нет. Процедура, чтобы сделать прецедент, чтобы мы могли дальше его каким-то образом повторять. Или мы решаем конкретную разовую задачу на данный случай.

Евгений Карась: Я считаю, что главное – это экспертное сообщество, да, а это экспертное сообщество, как донести народу от демократичности процедур – это уже вопрос технологии, это вообще не проблема.

Юля: Демократичность – это не донести, демократичность – это дать поучаствовать.

Владимир Никитин: Как историк профессии, я вам могу заявить, что профессиональные решения никогда не принимаются демократически, чем меньше демократичность, тем...

Юля: Ну так, а мы же, что делаем.

Владимир Никитин: Да, поэтому возвращаюсь к вашему выступлению, ваше выступление звучало таким образом: ребята, давайте не будем обращать внимание на вот эти все подготовленные материалы, потому как они тенденциозные и не несут в себе.

Евгений Карась: Возьму это ко вниманию, профессионально нужно делать.

Владимир Никитин: Нет, так это же разные вещи. То, что здесь написано – это относится к этой части, здесь это другая процедура, связанная с формированием профессионального задания.

Евгений Карась: Я запутался в ваших кружочках. Мне кажется, что мы одинаково мыслим, то есть.

Владимир Никитин: Нет, важно, чтобы это было где-то прописано в процедуре, и мы это сделали.

Евгений Карась: В процедуре все нужно учесть, нам нужно начинать профессионально работать.

Константин Колесников: Я знаю, что я хочу, я хочу 15 минут на выступление, из которых займу 7.

Владимир Никитин: Дам 5, но давайте пойдем, чего мы хотим. Мы же не шли, не шли правильным логическим путем, правильным логическим путем было понять вообще назначение этого места в структуре Киева, настоящего, будущего и так далее. А потом вы будете, уже в рамках этого назначения, искать назначение этого места. Но этот вопрос был сброшен, значит, и не решен. Чтобы я хотел, если бы я участвовал, вот первого – принципиального решения, не по типу здания, это мы сами разберемся. Значит, есть некоторые ценности городской среды. В ценностях городской среды наивысшей ценностью является место, где можно ничего не делать. Это место для расхода времени. Вот, Невский проспект для ленинградцев – это место расслабухи, а не место магазина активности, значит, мы хотим создать здесь супер активное место, где крутятся туристы, значит, продаются сувениры, создаются там какие-то шоу или мы хотим сделать место, куда можно прийти, сесть и подумать, отдохнуть и вообще выйти из всего этого. А когда мне говорят театр, цирк или чего-то, я не понимаю, чего хотят от этого места.

Евгений Карась: Вы у меня спрашиваете?

Владимир Никитин: Нет, я просто задал вопрос. Я прошу прощения, что я узурпировал место здесь, мне вот кажется, что нужно все-таки двигаться поэтапно. Нам нужно разобраться сейчас, что делать с материалами, которые есть. Второе, каким образом сформировать экспертную группу, которая определит, и как она должна взаимодействовать.

Евгений Карась: Волонтаристски.

Владислава Осьмак: Да подожди, волонтаристски.

Юля: Так, а кому дать право быть волонтаристом, кому? Вам, тебе? Так нас пару тысяч человек, Тимур, вот в чем дело, тебе кажется, что ты один, причем здесь стол. В данный момент? Вообще? Всего?

Евгений Карась: 20.

Юля: Да какое, у меня только интервью 120.

Евгений Карась: Причем тут интервью, дискуссия.

Юля: Простите ради Бога.

Евгений Карась: Прощаю.

Юля: Я не тебе.

Евгений Карась: Можно совершенно спокойно путем опроса определить 10 самых лучших профессионалов в любой области.

Юля: Так, а я о чем, я как предлагаю.

Тимур Ибраимов: Вот это безумие, это все – безумие.

Евгений Карась: Нет, не статистически, а просто...

Владимир Никитин: А как вы будете?

Евгений Карась: Очень просто.

Владимир Никитин: Процедура по количеству?

Евгений Карась: Если нужно прописать процедуры.

Юля: Нет, подожди, а как я пропишу процедуру, которую не понимают?

Владимир Никитин: Так вы за себя отвечаете, а не за остальных.

Максим Громадцов: Господа, можно, просьба? Давайте к регламенту вернемся, у нас была встреча, была повестка дня, если другая повестка дня, давайте определимся. Я не все понимаю, что обсуждаем. Если есть повестка, давайте по повестке.

Владимир Никитин: Решается один вопрос или мы сейчас примем решение за всех, или будет какая-то процедура, которая позволит заказчику там или кому-то сказать, что

решение было принято на основании и не будет претензий, что опять было волюнтаристское решение.

Юля: Совершенно верно.

Владислава Осьмак: Если позволите, у меня маленькое замечание по первому вопросу, который там был вынесен на обсуждение относительно профессий.

Владимир Никитин: Так мы же еще не обсуждали.

Владислава Осьмак: Я понимаю, но это ремарка, по сути. Одна из проблем, которые, которые вот уже сейчас абсолютно очевидны – это абсолютная несправедливость, неправомочность и непропорциональность результатов голосования. И с моей точки зрения, возникла она из-за того, что мы на каком-то этапе (я говорю мы, потому что я с себя снять ответственность в данном случае не могу) неправильно сформулировали перечень профессий. Проблема в том, что большинство из нас мультиинструменталисты, как идентифицировать меня, для меня самой большая проблема. Поэтому я, к сожалению, угодила не в ту категорию, где, к сожалению, лидирую только по той причине, что именно в связи с общественной деятельностью оказалась на слуху. Как специалист культуролог, я ноль, тем более находясь в одном списке с Мирославом Поповичем или Вадимом Скуратовским, это унижительно для всех участников, извините, что я переношу это в плоскость эмоций, это нужно поменять. Каким образом: или снимать вообще членение на эти профессиональные кластеры, или, Юль, это вопрос. На самом деле так не можно.

Юля: Нет, простите, ради Бога, это же было не издевка, просто смешно, потому что я сначала не хотела кластеры, меня уговорили на Facebook.

Владислава Осьмак: Скуратовский, это...

Юля: У меня есть предложение, у меня есть предложение.

Владислава Осьмак: Правильно, но меня не должно быть в этой группе, я нет, я не имею на это морального права.

Владимир Никитин: Секундочку, секундочку, во-первых, прошу тише, возможно, я ж не участвовал на первых, объясните тупому по простому, а что мы должны с этими списками делать.

Юля: С какими, с вот этими? Ну, честно говоря, я не это просила распечатать.

Евгений Карась: Я занял первое место, точно также как Владислава, я считаю, что это, ну..

Владимир Никитин: Пожалуйста, у вас реплика.

Евгений Карась: У меня не реплика, у меня выступление. Ну, давайте, если можно реплику, давайте каждый выступит и все.

Владимир Никитин: Так мы еще ничего не поставили, ни одного вопроса.

Тимур Ибраимов: Мы здесь собрались из-за того, что зашли в тупик.

Юля: Кто зашел в тупик?

Тимур Ибраимов: Мы смотрим, ага, вот этот кластер номер 1, вот этот винтик заменить, давайте поговорим в принципе о концепции отбора проектов, вот и все.

Юля: А можно я сначала Владе отвечу? Потому что у меня есть ответ на вопрос Влады. Можно, быстро? Влада, мы будем считать двумя способами, смотрите, мы считаем по каждой категории людей, так, мы считаем абсолютное количество голосов всех людей, так. В случае, если у нас получается ситуация, я честно говоря, по поводу вас, например, боялась, вы у меня такой пример были, что допустим там 20 человек голосует за вас, культурологов, и вы, допустим, на втором месте оказываетесь, и еще 20 в общественных активистах, и вы, имея в общей сложности 40 голосов, которые позволяют вам пройти в совет, оказывается, что они разбились на 2 профессии. У нас есть, предусмотрено в совете два дополнительных места. В случае, если у нас есть человек, который по абсолютному количеству попадает там реально в первую девятку, да, а из-за разноса голосов не попадает, значит, мы добавляем место для этого человека. Их два. Это первая история. Что же касается ситуации, в которой вы побеждаете в категории культуролог, да, то есть то же самое, мы посчитали абсолютное количество голосов, вынесли это на обсуждение. И в случае, если у нас, слава Богу, не так уж много людей, активно в этом участвующих, в случае... Они молчат, потому что у них все в порядке.

Евгений Карась: Можно, короткая реплика?

Юля: Вот два списка вот этих они реально решат...

Евгений Карась: Вот в чем самая большая проблема, да, самая большая проблема в том, что в этом вопросе, к сожалению, есть конфликт между демократией и волюнтаризмом. То есть демократия и статистика, она вроде бы все правильно, да, но она приводит к вот таким вот страшным результатам. Вот это вот – это цирк.

Юля: А, это GfK? Женя, а к чему приводит волюнтаризм? К тому, что там собирались строить торгово-офисный комплекс.

Евгений Карась: Нет, секундочку. Правильный волюнтаризм, если мы решаем о том, что, то есть не статистически, не демократически никогда, это будут постоянные прения, то есть есть абсолютно единственный правильный алгоритм, по которому можно построить там то, что нужно. Это все.

Юля: А ты уверен, что ты знаешь единственный алгоритм?

Евгений Карась: Нужно понять, что мы там хотим строить, да.

Юля: Кто мы?

Евгений Карась: Ну, есть какие-то очевидные вещи, ну, то есть это любой профессионал, который...

Юля: Женя, ты почитай интервью архитекторов, просто они все разное говорят, все.

Тимур Ибраимов: Не один, а два конфликта. Вот этот конфликт и конфликт между исполнителями инициаторами. И исполнители должны заниматься исполнением.

Юля: Ты меня сейчас имеешь в виду или кого? Кто исполнители?

Тимур Ибраимов: В данной ситуации у нас ошибочная концепция отбора решения.

Юля: Кто исполнитель, ты меня?..

Тимур Ибраимов: Кто формирует этот сайт и опрос? В конечном итоге, кто его будет.. кто его выпустил?

Юля: Я.

Тимур Ибраимов: Надо найти мужество и признать ошибку.

Юля: Какую ошибку? Покажи мне.

Владимир Никитин: Секундочку, секундочку. Я перестал понимать, что мы обсуждаем.

Юля: Я тоже.

Максим Громадцов: Я не начал, если честно, я еще и не начал понимать.

Владимир Никитин: Я думал, что я понимаю, что обсуждаем, когда братья. Теперь я не понимаю, что мы обсуждаем. Вы хотели что-то сказать.

Евгений Карась: Я предлагаю обсуждать наполнение центра.

Юля: Давайте дадим... Женя, мы не можем, нас слишком, мы не являемся.

Владимир Никитин: А зачем вы собираетесь это делать, и взамен кого вы собираетесь это делать, откуда? А на основании чего вы будете это обсуждать?

Андрей Косецкий: Мы сегодня собрались...

Юля: Ты предлагаешь собой заменить общественную палату совета? Таких людей намного больше, чем ты...

Андрей Косецкий: Давайте, согласно регламента, вот вы с Юлей нарушаете, вы ведете дискуссию.

Антон Гливинский: Насколько я понимал изначально и вся эта конструкция, которую мы вот здесь обсуждали изначально и вообще вся эта история с двумя палатами, она составляет следующую суть, как мне казалось. Я не знаю, может быть, я ошибаюсь, может быть, но мне это казалось правильным. Первое – это то, что у нас есть по сути две палаты. Не дать возможность высказаться, зачем, ну, почему мы это голосованием. Не дать возможность, я просто говорю с точки зрения «ЭСТЫ», да, то есть, с точки зрения нас, как с одной стороны - виновников, с другой стороны - инициаторов процесса. Да, то есть с точки зрения того, что мы не даем возможность высказаться людям, которые там путем голосования, путем какого-то другого, да. То есть, мы не даем, нас обвиняют в том, что вот вы закрылись, вот вы собрали там 10 лояльных экспертов и говорите вот, выбрали то решение, которое вам было нужно. Ну, такого было много, я могу дать целое, большое

количество выдержек из различных материалов, в прессе и везде, то есть, возможно, издать какой-то в форме голосования, и в какой-то форме высказывание всем людям, которые заинтересованы в этом. И не только тем людям, которые общаются на Facebook, но в принципе, всем людям, которые в этом заинтересованы. Она была необходима. С другой стороны, насколько я видел функции общественной палаты и экспертной палаты. Функция общественной палаты заключалась в том, что, во-первых, в принципе действительно сформировать общественный заказ, да, и вот в этом случае голосование, оно может быть не совсем, ну, к сожалению, оно может быть не совсем репрезентативное, ну, надеюсь все-таки, эта ситуация в течение недели исправится. Но другой вопрос в том, что эти люди, они же по сути являются, ну, то есть выбранные люди – они являются теми людьми, которым другие люди доверяют. И основная функция общественной палаты заключается в том, чтобы сформировать этот общественный заказ, да. Ну сказать, вот там, мы тут посовещались, посовещались, обсудили и приняли решение, что вот тут мы мечтаем, что городу нужно то-то, то-то, потому что нам доверили люди. А с другой стороны осуществление контроля, что гораздо важнее, в определенной степени, чем даже формирование общественного заказа, потому что, ну, когда есть определенный контроль людьми, которым доверяют другие люди. И ну, то есть там, это в какой форме будет подписано в этом меморандуме. Тогда и нам, ну, я это сейчас обо всех говорю с точки зрения «ЭСТЫ», для нас это важно с точки зрения того, что мы не хотим обвинений в свой адрес, что мы узурпировали процесс, а такого было много, что мы собираем кучу экспертов лично под себя и все-все-все-все. Поверьте, если бы мы не хотели, я уже об этом писал. Кстати, вот я отвечал Константину, что, если бы мы хотели, грубо говоря, построить там, ну, быстро замять ситуацию, построить там галерею, что угодно, как там с Музеем истории Киева, мы бы этот вопрос бы, построили там, не собирали бы не общественный совет, не экспертный совет, ничего-ничего. Да, ну то есть там и большая часть людей сказала бы там, ну, не построили офисный центр и хорошо. Мы пошли другим путем, мы пошли путем, по которому мы, по сути, создаем некий орган, который, во-первых, будет иметь функцию контроля, да, что важно. И есть экспертная палата, которая вот, ну, для меня большой вопрос, я не совсем, честно, не совсем понимаю и это для меня в этой встрече самое главное, я не совсем понимаю, каким образом выбирается экспертная палата. Правда, не совсем понимаю. И это то, о чем мы должны, это, по сути, главный вопрос, потому что, ну, то есть, общественная палата, я понимаю, да, это люди, которым доверяют. Это люди, которые пришли, и вот они понимают, осознают степень доверия им, они контролируют этот процесс, они говорят об этом. Ну, то есть они публикуют свое мнение в этом процессе, ну, то есть это такой некий общественный орган. А экспертная палата – это палата, которая формирует практически, во-первых, проектное задание, правильно, да, проектное задание.

Петр Маркман: Задание на проектирование.

Антон Гливинский: Задание на проектирование, да, вот, которая формирует задание на проектирование и в дальнейшем, то есть она имеет исключительно такой исполнительный процесс, то есть я не совсем понимаю споры из-за этого голосования, потому что, ну, не дать возможность высказаться людям и дать им сказать, кому они конкретно доверяют, либо устроить, грубо говоря, вот, не знаю, референдум, на котором все выберут парк. Грубо говоря, либо дать людям, которые доверяют, и которые сказали, да, «вот мы, нам доверяют, мы приняли такое решение, и мы будем выполнение этого решения контролировать». Ну, и вынести его на обсуждение, то есть это все сейчас в процессе, ну, я не вижу особо смысла сейчас здесь устраивать большой спор, правильно там это или не правильно, давайте вносить изменения в...

Евгений Карась: Это нужно взять во внимание, это очень правильная вещь, но идти дальше профессионально.

Юля: Так, а кто спорит, мы собрались обсуждать экспертную палату. Я еще раз хочу сакцентировать ваше внимание на том, что в случае, если общественная палата, там допустим соберется, не тот список людей или скажет там какие-то глупости, у нас специально для этого есть экспертная палата, которая не даст этим глупостям претвориться в жизнь.

Владислава Осьмак: Вот, если позволите, по поводу того, что только что говорил Антон. Во-первых, Антон, ваша откровенность достойна уважения, и то, что я только что услышала, в очередной раз подтвердила мои смутные подозрения относительно конечной цели, главной цели происходящего. Обсуждение для «ЭСТА-Холдинга» - вопрос репутации.

Антон Гливинский: 100%.

Владислава Осьмак: 100%. Соответственно у второй стороны процесса, то есть у нас активистов нет уверенности в том, что все это обсуждение в конце концов выльется в практические формы. Почему это подозрение у меня укрепились в последнее время? Я прошу обратить внимание на то, что на первой же странице голосовалки на сайте по спуску четко написано, что решение общественной палаты для экспертной части совета является не обязательным.

Юля: Это не так.

Владислава Осьмак: То есть получается, по большому счету, Юля, ну, я списала сегодня со страницы специально себе в тетрадку. Ну, рекомендательный – это не обязательный, это близкородственные слова. Соответственно, вся деятельность, проведенная на настоящий момент не является никоим образом, никоим образом ценной или, как вы берете другие слова, для тех, кто потом профессионально будет.

Юля: Я могу дать ответ на этот вопрос.

Владислава Осьмак: Меня, честно говоря, этот момент настораживает очень сильно, потому что. И почему, извините, еще две секунды, почему я настойчиво все это время говорю о том, что нам нужна не прямая линия, а треугольник? И вы же мне, по-моему, писали по поводу того, что разве властям мы можем доверять больше.

Юля: Я писала, я писала, это моя личная позиция.

Владислава Осьмак: Ни в коем случае, конечно властям не доверяем в большей степени, но это даже вот забегая наперед, дай Боже все разрулится и пойдет к практической фазе. Смотрите, пока не имеет ответа вопрос, кто будет обеспечивать жизнедеятельность проекта. Потому что были разные, были разные по этому поводу высказывания. Возможно, следует заложить сам процесс осмысливания обсуждения, вопрос о том, кто будет этим потом руководить, кто это будет финансировать, потому что замахиваться на что-то грандиозное, что потом будет стоять в упадок, именно по этой же причине я навязчиво предлагала включать в кластер профессионалов социологов. И говорила о том, что без властей не обойтись, потому что даже местную ситуацию нужно изучить, общаясь с представителями властей, которые знают, вот здесь вот, стоя двумя ногами на почве, что нужно району или нескольким районам, то есть это компонент необходимый.

Юля: Жалко только, что они с нами разговаривать не хотят. Людмила Собордина вообще отказалась.

Владислава Осьмак: Юля, ну свистнули бы мне, я бы ее за шкирку привела.

Юля: Я Шленского попросила, он с ней поговорил, сказал, что она наотрез отказалась.

Максим Громадцов: Коллеги, я извиняюсь, можно, я еще ничего не говорил? Давайте как бы со стороны своего скажу. Я человек бизнеса, я человек ориентированный на результат, ну. Пока мы здесь в большей степени ориентированы на процесс, я скажу, что такой результат для нас важен. Это важно, действительно. Не важно, что написано на сайте, для нас важно, как можно быстрее построить на этом месте, завершить проект, построить то, что нужно. Как можно быстрее – это единственный способ что-то сделать в этой стране. Это единственный способ. Я вам скажу, как человек построивший за..., Сергей завершит, год назад гостиницу, которую реконструировали с нуля, за год и два месяца, в этой стране больше так никто не делает. В этой стране делают 4-5 лет, 10. Мы не хотим делать 4-5 лет. В Донецке – это бывшая гостиница Киев.

Константин Колесников: Строят, извините, не 4-5 лет, подготавливают только строительство.

Максим Громадцов: Ну, для меня вот сегодня и введенный проект – это процесс...

Владимир Никитин: Это механизмы согласования.

Максим Громадцов: Это игра слов.

Константин Колесников: Это не имеет значения.

Максим Громадцов: Это не имеет значения. То есть первое – мы хотим завершить проект достаточно быстро, в реальные сроки, как пока мы тут все сидим, не до конца еще досидели, еще живые, это первое условие. Второе условие – для нас это очень важно – сделать там то, что будет устраивать общественность. Что такое общественность в этом случае – это очень большой спорный вопрос, который мы здесь собственно обсуждаем. Для нас важно, что мы не сделаем ничего там своим решением, да, то есть мы не примем решение сами, это второй момент. Третий момент, есть действительно третья сторона – власть, без которой мы не обойдемся в любом случае, и она у нас есть в двух видах. Первое, чтобы мы здесь не придумали, мы все равно придем в управление архитектуры, пройдем все решающие органы, потом поймем есть ли ограничение участка, есть ограничения, поймем можно ли построить. И вторая сторона общения с властью – это, безусловно, то, что власти потом это содержать и управлять. Поэтому естественно принимая решение о том, что мы там будем, в каком размере, океанариум или куб, воспринимаем, городская власть не сможет содержать океанариум. Там. Вот три вещи. Соответственно, единственный подход, который ко всему этому может быть, есть такое правило «80-20». Да, мы можем сделать для того, чтобы получить 80% результата, нужно приложить 20% усилий, оставшиеся 80% усилий нужны для оставшихся 20%. Мы с ними, как правило, поддерживаться не будем, все. Формирование экспертного совета, общественного, у нас ничего не получится. То есть мы должны сделать максимально хорошо, но идеально не получится, то есть мы не удовлетворим всех. 100%, надо удовлетворить 80, иначе мы не будем двигаться, вот как мы сидим здесь, через полгода мы можем сидеть точно также и никуда не сдвинуться. Поэтому..

Георгий Духовичный: Мы через 2 года будем так сидеть, и через 5, потому что в общем-то запущен механизм, который работает на процесс. Он абсолютно, в нем нет даже доли процента, направленного на результат на сегодня. Можно, Юль, вот, если вы закончили, я приведу вам простые примеры. Первое – по персоналиям, значит, 10 лет назад в Барселоне был проведен опрос уличный, кто такой Гауди, 80% опрошенных сказали, что это член сборной команды Испании по футболу, это к опросам. Второе, Европейская площадь. Проведено три тура конкурса, вы что-то наблюдаете. Нет, это о конкурсах. Значит, разрухи стоящие по городу – вам понятно? Можно помирить людей, которые любят квас, пиво, водку, самогон и так далее. Можно, им всем нужно дать пустую бутылку, в которую можно налить одно, второе или третье. Абсолютно бессмысленно сегодня расписывать функционально точно то, что может находиться на этой территории. Возьмите, как модель плацдарм Арт-Плац в Бердянске, где было абсолютно все, где работали мастера соответствующего уровня и где сделали то, чем пользуется сейчас весь мир, и пользуется с удовольствием. Причем скажу вам больше, не берите...., который имеет площадь и кучу всего остального – это работает.

Юля: Я не совсем поняла, а что вы предлагаете, в смысле механизма.

Георгий Духовичный: Я предлагаю, во-первых, не делить киевлян на умных, профессиональных и подготовленных. Я предлагаю, чтобы то, о чем я говорил прошлый раз, каждый киевлянин имеет право сказать, что он видит в этом месте. Есть же интернет, слава Богу, есть возможность провести интерактивное...

Юля: Так идет же уже.

Георгий Духовичный: Замечательно. Выборку наименьшей, ну, у меня математическая подготовка есть определенная, есть наименьшее общее кратное, есть замечательная практика, когда из всего того, что наговорят людям, выберем определенный блок, этот блок и будет тем, что нужно налить в эту бутылку. А вот за этим следует очень важный вопрос, потому что ответа на него мы не получили. Чтобы там ни было сделано, если это будет не просто улица, даже если это будет просто уличное пространство, его тоже должен кто-то ремонтировать, подметать, обслуживать и так далее, то есть понимаете, вся эта ситуация очень напоминает.. Вот есть жилой дом, в жилом доме освободилась одна квартира. Значит, эту квартиру решили отдать под сапожную мастерскую. Все жильцы сказали: «нет, никогда, там будет вонять, стучать, ходить посетители, нас это не устраивает». «Хорошо ребята», - скажите, - «что там сделать?». Вот скажите, пусть это будет даже 20-ти

квартирный дом. 19 квартир никогда в жизни не скажут, что они там хотят. Каждый из них скажет о чем-то своем.

Юля: 100%, так и происходит.

Георгий Духовичный: Вот, единственный способ сделать нормально – оставить пустое пространство, где по мере необходимости будут праздновать дни рождения, устраивать выставки того, кто там, что может делать. А по большому счету важно, кто будет цветочки поливать на этом этаже. Понимаете, ответа на вопрос мы не получили. «ЭСТА-Холдинг» собирается каким-то образом эксплуатировать.

Юля: Вот мы только что получили такой ответ, что у меня сразу возник вопрос.

Георгий Духовичный: Не собирается. Собирается эксплуатировать или это будет отдано городу, если это будет отдано городу, можно сразу сказать, что эта ситуация абсолютно безнадежна.

Юля: Смысл, это белый снег.

Георгий Духовичный: Тогда лучше всего это все расчистить, замостить и надеяться на то, что эту мощину кто-то будет подметать.

Евгений Карась: Можно к профессиональным архитекторам вопрос? Да, вот смотрите, все очень просто. Через, если правильно подготовить программу, да, концепцию и задание на проектирование, через 2 месяца можно объявлять конкурс, 2 месяца достаточно, да? Вот осенью уже можно объявить конкурс, который продлится три месяца, да, и проекты уже там. Эскизное проектирование получить, например, осенью. Все очень просто. Так вот вопрос к архитекторам, вот мы сейчас можем, например, я просто размышлял вслух и записал, мы можем говорить, например, рассматривать то, что там должна быть транзитная зона сквозная?

Владислава Осьмак: То есть?

Евгений Карась: Проход. То есть, есть какие-то очевидные вещи, которые там, ну, уже заложены. Это, ну, например, очевидно, нельзя делать музей, потому что музей требует хранилища.

Владислава Осьмак: Почему нельзя?

Евгений Карась: Ну, я просто занимался музеем, я понимаю, что такой музей, музей – это требует коллекцию.

Владислава Осьмак: Там пустое место.

Евгений Карась: Вопрос, вот есть какие-то вещи. Значит, очевидные вещи.

Георгий Духовичный: Демонстрацией антиподполья к Андреевскому спуску является театр, построенный там, потому что по простой причине, когда меня чуть не убили на горсовете, потому что я был рецензентом этому объекту, я тогда сказал, как им показалось, страшную вещь. Я сказал, кто тут главный, что главный Андреевский спуск. Поэтому, ребята, вам нужен театр со сценической коробкой, пожалуйста, в любом другом месте, но не на Андреевском спуске.

Евгений Карась: Совершенно верно.

Георгий Духовичный: Поэтому нужно наконец-то создать прецедент, потому что, понимаете, мы сейчас занимаемся не сколько подготовкой архитектурного проекта, сколько социальным экспериментом. Значит, социальные эксперименты имеют только начало, конца они никогда еще не видели, то есть они уходят...

Юля: Значит, будем первыми.

Георгий Духовичный: Они уходят, нет, они кончаются гильотиной, вот это единственный правильный конец социального эксперимента. Ну, не обязательно....

Петр Маркман: А почему... социальный эксперимент употребляешь в таком, в нем нет ничего негативного.

Георгий Духовичный: Нет, я не говорю, что это плохо. Можно я договорю? Так вот, я хочу сказать, что по большому счету, вот то, о чем мы говорили в прошлый раз, я буду к этому возвращаться постоянно, потому что я считаю единственный правильный выход – это должен быть универсальный многофункциональный сосуд для наливания туда тех социальных функций, которые будут возникать, меняться, уточняться по ходу дела, и которые не будут противоречить возможному режиму финансирования, эксплуатации этого

комплекса. Потому что никто золотом и бриллиантами осыпать посетителей не будет, понимаете. Это должен быть, по большому счету, кусок исторического Киева, который живет нормальной жизнью, внутри которого есть самостоятельные куски, которые окупают себя, более того, наверное, еще и платят городу какие-то налоги. Пусть они будут льготные, если удастся это сделать. Можно из этого сделать музей, да, что угодно, только нужно сразу говорить о том, что это будет музей с совершенно специфическими условиями эксплуатации, подчиненными возможностям этой территории. Так работают во всем мире, потому что только здесь нормы написаны для бильярдного стола, понимаете, для ровной поверхности, не имеющей окружения. Значит надо создать принципы того, что мы работаем в рамках очень специфического куска территории, имеющего сложнейшую гидрогеологию, сложившуюся среду окружения, очень специфичную ограниченную доступность, полное отсутствие возможности отъездов, подъездов и парковок, вот уже описано почти все, что в общем-то.

Юля: Вот вам старт работы экспертной палаты, вот это и есть то, чем занимаются...

Владимир Никитин: Так я стою, жду когда.

Юля: Я ж не веду.

Тимур Ибраимов: То, что я просил, начал делать Духовичный, он начал перечислять свой....

Владимир Никитин: Давайте так. Сегодня мы выбирать, что строить тут не будем.

Юля: Да, у нас сейчас не та задача.

Тимур Ибраимов: Сейчас у нас вопрос принципиальный.

Владимир Никитин: Секундочку, что я понял из этого фрагмента. Первое – что процедура должна быть конечная, мы имеем прецедент Гончары Кожемяки, столько лет обсуждали создание там заповедника, и в итоге получили то, что получили.

Тимур Ибраимов: В определенном смысле заповедник.

Владимир Никитин: Да, но заповедник обсуждался очень долго, потому что было очень много разных мнений, конечной процедуры не было, в итоге получили.. Секундочку, я вижу вас, я вижу вашу руку. Это первое, второе, что сказал Юрий, имеет смысл. Если задается некий принцип универсальности, то те предложения, которые предварительно высказаны, они являются некоторым набором, который должен в эту универсальность быть реализован, и это уже дело профессионалов, каким образом там 5 или 6 функций, при желании совместить на этом объекте, там допустить границы, та-та-та. Значит, поэтому мне представляется, что вот процедура первого этапа должна заканчиваться на выборе этих 4-5 главных функций, не сводя к какой-то одной, которая вот обязательно надо воплотить. Значит, и второе – это предусмотреть участие в общественной палате, в рассмотрении там этапов или технического проектного задания, или конкурса в целом. Так, пожалуйста.

Тимур Ибраимов: Да, спасибо большое.... Он сам по себе. Знаете, у меня вообще, честно говоря, по поводу «ЭСТА-Холдинга» и группы товарищей, кроме «спасибо» до сих пор и удивления ничего нету, я говорить даже не хочу. Мне кажется, что вся задница в нас, ну, общественность, значит, в чем задница? Ну во-первых, кандидаты и, ну, каким образом можно, вот я рекомендовал такого-то, Скуратовского. Скуратовский, к примеру, понятно, что он проиграет Поплавскому, но Скуратовский для того, чтобы он появился в списке, с ним нужно связаться и задать вопрос: «хотите ли вы, можете ли вы», - а потом человека вставлять в список.

Юля: Нет.

Тимур Ибраимов: Далее, каким образом человек, я не буду называть фамилии, есть, меня звали к себе в аспирантуру глубочайше мною уважаемый человек, но он попал в категорию «известный искусствовед». Он не искусствовед, безграмотные справки, по поводу себя до сих пор там все, ну, полуисправили, как всегда. Это по поводу...

Юля: А чего же ты имена не называешь? Помогите нам.

Тимур Ибраимов: А зачем, чтобы что?

Юля: Это помощь, а просто сказать, что все плохо – это не помощь.

Тимур Ибраимов: Я тебе скажу, выключите запись – я скажу. Не хочу, Юля, не хочу.

Юля: Критиковать публично ты готов, предлагать варианты публично ты не готов.

Тимур Ибраимов: Не вопрос, не критика. Человек должен для того, чтобы попасть в экспертную группу, он должен отвечать двум основным критериям, по сути трем. Первое – профессиональная готовность, социальная готовность и готовность трудиться в этом, то есть три критерия, если этого нету – нахрена нам эти листы со списками, зачем? Каким образом человек, который, все абсолютно, кто-то за сегодняшний генплан новый, есть такой здесь человек, нет. Абсолютно все понимают, что это преступление, человек агитирует за новый генплан, и он попадает в список, как эксперт.

Юля: Ему кто-то доверяет из общественности. Тимур, ты считаешь....

Тимур Ибраимов: Можно я договорю? Далее, что там сделать – это же так просто, мы уже родили ответ на это, потому что нету человека носителя идей, который нас зажег. Если этого нету, то абсолютно прав глубокоуважаемый мною сочлен комиссии по этому, как он называется, генплану Духовичный.

Георгий Духовичный: Сочлен – я запишу.

Тимур Ибраимов: Так вот, абсолютно согласен, давайте вот что сделаем, у нас есть территория, которую надо наполнять с поднятым интересом к этой территории. К сожалению, в этой стране просто искусство мало кого интересует. Это любое произведение может заинтересовать людей, если подогревается интересом, идейно и всякое там. Поэтому, давайте мы создадим там музей, музей современного искусства, создадим площадки, где мы эти площадки, на основании постоянных конкурсов, которые проходят допустим с периодичностью там в 2 года, в год, в зависимости от жанра, эта площадка, а площадки области литературы, театра, живописи, к примеру, что угодно, создается такая модульная вокруг этого музея территория. Которая эти, проводятся конкурсы, победители конкурсов получают под реализацию проекта площадки и достойные произведения полученные становятся частью этого музея. Конкурсность поднимает интерес. Далее, я, как модно говорить, первому акционеру написал второе письмо по поводу там, надо заниматься параллельно лоббированием закона о благотворительной деятельности, то, что есть во всем мире, тогда это позволит, в том числе, финансировать подобный конкурс, подобный центр. Дальше, ну, как по поводу участия гидрогеологов, ну, это же безумие! Ну как? Ну понятно, что гидрогеолог должен участвовать в разработке проекта, естественно. А зачем это включать типа там, в экспертную группу? Давайте к примеру..

Владислава Осьмак: Ситуация выросла из острого медийного конфликта, и очень многие прокося – это результат медиа-атаки.

Тимур Ибраимов: Поэтому я предлагаю, давайте мы бегло осмотрим, трезво оценим ситуацию в какую попали. А попали фактически, ну, в тупик, и сделали все по новой, признав это, отобрав по новой конкурсы, кандидатов, там по тем принципам, которые я предложил.

Юля: Ты не предложил принципы.

Тимур Ибраимов: Ты что не слушаешь меня?

Андрей Косецкий: Я слышал.

Юля: А кто, кто эти люди, которые будут эти критерии, вот вопрос, понимаете.

Владимир Никитин: Секундочку, подождите, мы, в принципе, какой-то регламент соблюдать собираемся?

Тимур Ибраимов: 6 минут у меня выступление заняло.

Владимир Никитин: Не первое.

Тимур Ибраимов: А то были реплики.

Владимир Никитин: Ну, дело ж не в этом, мы по регламенту ни к одному вопросу не приступили, это все комментарии к сообщению Юлии. Прошло уже больше часа, мы ни одного вопроса рассматривать не начали.

Андрей Косецкий: Не, ну мы сформулировали спектр вопросов, которые нас интересуют, какая-то польза от того была.

Юля: Это вообще-то третий вопрос – вопросы к процедуре в целом.

Евгений Карась: Духовичный начал.

Григорий Духовичный: Вот я хотел бы закончить.

Евгений Карась: Вот этим нужно заниматься, собрались архитекторы, здесь достаточно интеллектуального...

Юля: Не сейчас этим заниматься.

Владимир Никитин: Тогда что, всю процедуру выбрасываем.

Максим Громадцов: Можно 30 секунд? Смотрите, давайте еще раз по встрече. Первая аксиома – сегодня мы не выбирать, не обсуждать назначение того, что будет построено, мы не будем. Обсуждать мы это будем с общественно-экспертным советом, который мы создадим. Нам, как людям, которые будут это реализовывать, нам нужен орган или люди, с которым мы будем это обсуждать. Вот это нужно сформировать, сегодня мы обсуждаем, как нам сформировать этот орган: хорошо, плохо или как. Мы не создаем, есть люди, Юля, есть общественность, так сформируется. Организуйтесь, нам нужен оппонент, не оппонент-коллега в диалоге, с кем разговаривать. Сейчас здесь – это группа людей, мы не будем сегодня это обсуждать, сегодня. Поэтому, если мы хотим это обсуждать, тогда можно закончить встречу, если мы хотим обсуждать то, как прийти к этой группе людей, давайте...

Евгений Карась: Тогда надо написать критерии...

Георгий Духовичный: Критерии отбора в экспертный совет.

Тимур: Мы сейчас занимаемся непонятно чем, непонятно...

Юля: Нет, так подождите, есть вопросы, к ним же просто никто не приступил.

Георгий Духовичный: Можно все-таки, полтора слова.

Владимир Никитин: Скажи коротко.

Георгий Духовичный: Давайте попробуем посмотреть на все это с немножко другой точки зрения. Значит, что мы получили от общественности в процессе, вот.... Общественность сказала, по большому счету, одну простую вещь – оставьте все, как было.

Юля: Вы имеете в виду исследования?

Георгий Духовичный: Нет, я не читал исследования.

Владимир Никитин: Сделайте так, чтобы был вид, как будто бы все.

Георгий Духовичный: Оставьте все, как было.

Евгений Карась: Я общественность, я так не считаю.

Георгий Духовичный: Чтобы ни было предложено. Единственная работа, которая до сих пор в Киеве проходила тихо – это наливание новой функции в старые здания, то есть это проходило тихо, никто на это не обращал никакого внимания. Ну, единственно сейчас пару скандалов, я думаю, мы устроим на Подоле, как раз по поводу выкупа абсолютно знаковых объектов киевских. Так вот, по большому счету, представьте себе, что сегодня та территория, которая есть со всеми корпусами, которые есть с внутренним пространством. Которое является пантедромом съемочной площадки фильмов о войне, о революции, еще о чем-то, благоустраивается, приводится в порядок, здания, которые, ключевые здания, жилые здания, остаются такими, какими они есть, в них наливается новая функция музейная, какая угодно. А внутренне пространство с вот этими перепадами и проходами мы просто накрываем. То есть есть опыт, есть фреэвские оболочки, которыми сделан Мюнхенский европейский комплекс, который стоит по большому счету три копейки, которые накроют это большое общественное пространство и даст самое главное – ресурс времени на то, чтобы ситуация вызрела, и наконец-то было сказано, что же нужно сделать. Самое позорное и страшное будет, когда следующие 10 лет это все будет стоять огражденное забором и будет зарастать сорняками в 4 этажа высотой, как это происходит на всех площадках такого рода в городе Киеве. Никакой перспективы другой позитивной я не вижу, и мы можем здесь обсуждать кандидатуры, вырабатывать тактики, стратегии, прочее, все равно кончится этим.

Юля: Почему?

Георгий Духовичный: Потому что, у «ЭСТА-Холдинг», во-первых, пройдет интерес, и она скажет: «ребята, вы не знаете, не хотите, вот вам подарочек и поступайте с ним, как хотите».

Максим Громадцов: Давайте я за «ЭСТА-Холдинг» тогда отвечу.

Георгий Духовичный: Так вот, они совершенно правы в одном – их интересует быстрый и эффективный результат, значит надо постараться дать быстрый и эффективный результат. А вот этот социальный эксперимент вещь замечательная, но еще раз говорю – она

конца не имеет, она имеет только процесс и бесконечный путь, к сожалению. Я говорю, как практик, понимаете, конкретно.

Юля: Такого не делали раньше.

Георгий Духовичный: Который привык строить, и я знаю одно, что последние 15 лет все попытки что-то построить кончаются одним. Мы связаны по рукам и по ногам бесконечными сменами законодательства, бесконечными порядками и изменениями правил игры, и бесконечной сменой заказчиков. Вот, если «ЭСТА-Холдинг» сможет преодолеть эту негативную инерцию - честь и хвала, я всячески ваш союзник и соратник.

Максим Громадцов: Спасибо вам за слова, на самом деле, поймите нас правильно. Я бы с большим удовольствием сегодня здесь сидел и обсуждал, что конкретно там лучше построить, как вписать этот существующий участок, его условия, ограничения, потому что это – то, чем я занимаюсь, это моя профессия, это мне интересно и это то, что ведет к результату. К сожалению, или к счастью, мы сегодня этого делать не можем и не будем, там для этого, мы далеко никуда не уйдем, нам нужен общественный совет. Поэтому у нас есть две опции, либо мы сегодня обсуждаем, как к нему прийти, либо мы ничего не обсуждаем, понимаете. Поэтому, вот, к сожалению, вот так вот, поэтому давайте обсуждать.

Владимир Никитин: Я вот как именно, так понимал задачу, я, к сожалению, должен вам сказать, что на днях вновь посетил Арсенал, и я не понимаю, как они освоят этот гигантский музейный комплекс. Поставить еще один музейный комплекс в Киеве, если с Арсеналом не справились, ну, в общем, понятно, но это так – это реплика. Значит, давайте четко высказываться по процедуре создания совета, есть негативное отношение к спискам, которые сделаны, как поступить по-другому в обозримое и понятное время, пожалуйста.

Константин Колесников: Я не знаю, все читали по поводу совета, что я писал.

Георгий Духовичный: Не читал, мне пришла какая-то абракадабра, совершенно.

Константин Колесников: Очень жаль, к сожалению. У меня очень, я коротко буду, практически, по сути. У нас на сегодня, я уже не один раз слышал, и Женя, и Тимур говорили, что Женя сказал механизм не идеален, Тимур сказал практически то же самое, то есть у нас нет технологии реализации проекта. Решать отдельно, давайте мы сегодня создадим общественный совет, а потом по мере возникновения все остального, это методологически играет. Нужно создать всю процедуру, цепочку до реализации проекта и передачи городу, и желательно, раз передается городу, чтобы в этой цепочке он тоже участвовал в схеме реализации проекта. Если вы говорите, что мы остановимся на создании общественного совета и абстрагируемся от результатов – это настораживает, честно вам скажу.

Максим Громадцов: Я не мог такого говорить.

Константин Колесников: Нет, нет, подождите.

Максим Громадцов: Вот чего я не хочу, так этого.

Константин Колесников: Согласитесь, есть просто элементарный менеджмент, который ведет к созданию объекта и его эксплуатации, и его сценариев развития. Говоря сегодня отдельно о создании общественной палаты, не видя всего, не видя механизма расписанного невозможно – первое. Второй момент, так как все-таки это является своего рода социальным заказом, и на сегодняшний день способов влияния общественности через палату, она нет, этого нету, у нас нет процедуры, ничего нету.

Юля: Как нету? Есть.

Константин Колесников: Палаты общественной у нас нет.

Юля: Так вы не прочитали текст.

Константин Колесников: Я не почитал. Извините.

Владислава Осьмак: Я знаю, о чем Костя говорит.

Константин Колесников: Извините меня, пожалуйста, у нас нету механизма.

Юля: У вас половина комментариев пописаны на сайте, вы не прочли.

Константин Колесников: Я все прочел, я все внимательно изучил.

Юля: Вы задаете вопрос, на который есть ответ.

Максим Громадцов: Можно для тех, кто не... В Facebook чуть-чуть переводить для меня, чтобы я понимал, в чем претензия.

Константин Колесников: Скажу просто, я просто методологически изучил всю ситуацию, которая, как минимум на сайте представлена, начиная с вопросов несоответствия по названиям и заканчивая вопросами, например, в схеме написано – предварительное согласие кандидата на участие. Стоит блок перед голосованием за список кандидатур по кластерам на андреевский.ком. Полное несоответствие вещей на сайте, абсолютно.

Юля: Мы обсуждали это на Facebook, я изменила процедуру в этом месте.

Максим Громадцов: Извиняюсь, есть кто-то, кто против того, чтобы сейчас через полтора-два года на месте бывшей фабрики «Юность» на Андреевском спуске появилось что-то новое, вот есть люди, которые против этого? Нет, вот смотрите, если мы будем вот таким образом сейчас обсуждать, это то же самое, что сказать, я не хочу, чтобы через полтора года...

Константин Колесников: У нас нет процедуры, мы обсуждаем процедуру, мы пришли к тому, чтобы обсудить именно процедуру.

Максим Громадцов: Давайте обсуждать процедуру, не то, что написано на сайте.

Константин Колесников: Это процедурный вопрос.

Максим Громадцов: Извините тогда.

Юля: Ну, это придирка. Предлагайте, давайте обсуждать.

Константин Колесников: Я предлагаю по-другому поступить, я предлагаю признать просто действительно, что у нас процедуры нет, у нас нет технологии полной, у нас даже нет хорошей технологии создания общественного совета или палаты, как ее. У меня есть, я могу ее предложить, но не я лично, она должна быть выработана.

Юля: О, вы хотите предложить способ выработки.

Константин Колесников: Естественно.

Юля: Сколько займет этот способ?

Максим Громадцов: Вы предлагаете вернуться в апрель, я так понимаю.

Константин Колесников: Я не предлагаю, это вы воспринимаете так, что я предлагаю вернуться в апрель. Сегодня нет инструмента, который дал бы ... качественный результат, ну, нету, я об этом написал, почитайте, пожалуйста, мой комментарий.

Владимир Никитин: Секундочку, я прошу одно, значит, если, если у вас есть конкретные предложения, вот что надо сделать, пожалуйста, на доску запишите 2-3 пункта сейчас.

Константин Колесников: Сейчас, пожалуйста.

Юля: Константин, берите зеленый маркер, он единственный плюс-минус нормально пишет.

Константин Колесников: Первое, все-таки признать, что тот механизм, который на сегодня существует, он оказался...

Юля: Допустим, признали.

Владимир Никитин: Признали.

Константин Колесников: Признали, в соответствии после этого закрывается сайт и вырабатывается новый механизм, практически выработка механизма.

Владимир Никитин: В чем его отличие от существующего.

Константин Колесников: В чем его отличие от существующего. Во-первых, этот механизм - нацеленный на конечный результат, то бишь не только на строительство объекта, а и на жизнь его дальнейшую, потому, что если мы сейчас будем кусками скажем во всем проекте выхватывать и реализовывать.

Владимир Никитин: Мысль понятна. Процедура.

Константин Колесников: Процедура – выработка механизма – это, вот есть общественность.

Владимир Никитин: Общественность механизм не вырабатывала.

Евгений Карась: Общественность вырабатала, если есть предложения, другое, с удовольствием, конкретно напишите, я вот с большим удовольствием. Можно еще один метод предложу.

Владимир Никитин: Сейчас, дослушаю.

Юля: Нет, давайте Константина, он у нас основной оппонент вообще-то.

Константин Колесников: Выработка механизма, как я говорю что, я не говорю сейчас пока как.

Владимир Никитин: Это долго будет. Что исходит из как.

Константин Колесников: Выработка механизма, если в двух словах, у нас есть общественность, которая не легитимизирована, никак.

Петр Маркман: Слаболегитимизированная.

Константин Колесников: Никак, фактически, она не закреплена, есть отдельные активисты, но мнения, как такового консолидированного у общественности нет.

Владимир Никитин: Ну, этого в принципе сделать нельзя.

Константин Колесников: Ну, есть способы, механизмы.

Андрей Косецкий: Ну, предложим способ общественного совета – это механизм.

Владимир Никитин: Есть механизмы манипулирования, я их знаю, могу перечислить, какой из механизмов манипулирования вы предпочтете.

Константин Колесников: Это другой вопрос.

Григорий Духовичный: Какой бы список выдающихся доверительных людей вы не написали, по каждому из них в интернете тот же будет выбор.

Юля: Конечно.

Владимир Никитин: Троллинг будет сделан в любом случае.

Константин Колесников: Конечно, тем более в Интернете.

Петр Маркман: Подожди, есть что сказать. Двигайся дальше.

Константин Колесников: Так, я не знаю, что мне писать.

Юля: Вы говорите, надо выработать механизм, какова процедура выработки.

Владимир Никитин: Вы говорите, новый механизм, в чем его отличие от предыдущего по процедуре.

Константин Колесников: Вот можно идти в двух путях, либо похожий механизм на тот, который есть и используя то, что уже делалось, да, в данном случае голосование по профессиям, я об этом писал, нуждается в жесткой фильтрации, по назначению жесткой фильтрации. Не может рядом стоять бассейн и детский сад и отдельно тут же детский сад и бассейн, в одном и том же списке. Не бывает такого.

Юля: Почему? Это люди свои варианты предлагают.

Владимир Никитин: Чтоб я понимал, вот есть список, что вы предлагаете, взять этот список и без рубрикации повторить его рейтинг, без рубрикации.

Константин Колесников: Почему я написал по поводу рубрикации?

Владимир Никитин: Я не читал, я вас спрашиваю.

Константин Колесников: Рубрикация одна на одной странице на сайте не соответствует рубрикации, которая..

Владимир Никитин: Что делать с этим списком?

Константин Колесников: Вот с этим ничего уже не делать, сейчас закрыть его, прекратить его наполнение.

Владимир Никитин: А какой делать?

Константин Колесников: Ну, какой именно список, за людей который.

Владимир Никитин: Да, за людей, а что делать вместо него.

Константин Колесников: Нет, вместо него делать ничего не нужно. У меня вопрос другой, я писал, о чем конкретно писал. Когда, через неделю должно закончиться это все? Да, вот смотрите, у нас Петр Маркман – 9 человек. При таком количестве людей и при таком количестве людей считать, что это, я понимаю там 200-300.

Юля: При этом вы не голосуете из принципа.

Константин Колесников: Потому что я не буду голосовать.

Максим Громадцов: Можно посмотреть, я вот очень хочу, Антон уже ноги себе сбил, пытаюсь попросить всех проголосовать, вот просто кричит на каждом углу.

Владислава Осьмак: Выйти из Facebook.

Юля: Мы вышли. Институты, творческие союзы.

Константин Колесников: Так не может быть, я об этом написал, говориться о том, что должно быть определенное количество проголосовавших, и тогда это считать действительно голосованием состоявшимся.

Владимир Никитин: Невозможно это гарантировать. Законодательство и то не во всех случаях указывает.

Юля: Не, подождите, у нас Константин основной оппонент, из-за которого во многом эта встреча была, особенно. Константин говорит, что надо закрыть сайт, остановить работу и выработать механизм. Я, убейте меня, не понимаю каким конкретно образом и какой механизм. Владимир..., задает вам тот же вопрос, давайте разберемся.

Константин Колесников: Надо закрыть сайт и исправить все те замечания, которые технические.

Юля: Которые вы сказали.

Владимир Никитин: Ну, это пока, по механизму, по механизму, еще раз спрашиваю, каким образом мы должны сформировать список людей, которые войдут в общественную палату.

Константин Колесников: Первое, вот без этих, хотя бы тех, которые уже есть по списку, получить согласие. Потому что мы не знаем, за людей голосуется.

Владимир Никитин: Не знаем, это всегда делается, когда я там бываю во всяких государственных комиссиях, мне приходит бумага – я перечислен, написано – по согласию. Согласие у меня просят после того, как меня включили в список. Список примерно в полтора или два раза больше, чем мест.

Максим Громадцов: Хорошее предложение, давайте просто запишем, чтобы вот оно у нас есть, это то, что можно сказать.

Юля: У меня есть одна ремарка по поводу согласия. Друзья мои, почему изначально вы абсолютно правы? Изначально мы собирались брать согласие у всех, кто, но поговорив в частности с художниками, с частью художников-скульпторов, я поняла, что если мы будем получать предварительное согласие, смотрите, сейчас процедура такова, что мы выбираем тех, кому доверяют люди. А потом всеми силами пытаемся уговорить этих людей, если бы мы брали предварительное согласие, то у нас была бы ситуация.. Вот у нас есть, допустим, очень-очень талантливый скульптор, признанный в среде своей и абсолютно бесталаный скульптор, который просто любит по телевизору как бы показывать себя. Второй к нам в совет не то что придет, он побежит, он скажет – ребята, да я сам все заплачу, конечно, я хочу. Первый скажет: «ой, Юля, та я леплю»... Я придумала, как это избежать.

Константин Колесников Как?

Юля: Мы формируем список из этих людей и после этого прилагаем все усилия для того, чтобы их уговорить. И поверьте, мы их уговорим. В случае, если человек наотрез отказывается, идет следующий.

Константин Колесников: Какой-то человек, который сам себя сделал в этом голосовании. Вот сейчас 9, 20 знакомых он обзвонил, у него через неделю 29, он хочет туда идти по тем или иным причинам.

Юля: А пусть идет.

Константин Колесников: И уговаривать его не надо.

Владимир Никитин: Ну, так это же будет в любом случае, в любом случае Поплавский получит больше голосов.

Владислава Осьмак: Как тогда вообще может существовать общественный совет? Подожди, я забуду, это вопрос действительно принципиальный, потому что, если мы в качестве базовой идеи выносим мысль о том, что в совет, как это сказать, предлагаются имена людей, которым сообщество доверяет, мы априори исключаем мысль о том, что они могут себя таким образом продвигать.

Владимир Никитин: Это да, но я имею в виду то, что...

Владислава Осьмак: Если же эта мысль у кого-то где-то в голове есть.

Владимир Никитин: Ну, вот смотрите, смотрите, я не знаю, каким образом я попал в этот список первого грудня, я вхожу в эти 80 человек, которых отобрали 1 грудня. Как они поступили, они поступили очень простым путем. Есть 3 инициатора, которые выбрали 15

доверительных, каждый доверительный предложил еще. И они сообщают, из этого списка выбрали...

Юля: Наш список таким же способом...

Владимир Никитин: Всесоюзного голосования, всеукраинского голосования, кто есть интеллигенция, не знаю правильный это путь или не правильный, но это была конечная процедура.

Евгений Карась: Министерство культуры собрало как бы «свет» современного искусства. Все очень просто, я позвонил музыкантам и спросил, кого вы считаете самым крутым композитором, они говорят такого-то. Я звоню к нему и говорю – я собираю общественный совет, кого вы считаете и по какому поводу, и я волонтаристически, да, но абсолютно как бы, идя пошагово, собрал около 60 человек, ну, всех звезд как бы современного искусства.

Максим Громадцов: Простите, понимаете, для нас это самый простой способ, но он неправильный для нас.

Евгений Карась: Он единственный правильный.

Юля: Женя, первое, что я начала делать, я пришла к СКМ и сказала: «вам нужен экспертный совет». Я не собиралась никакую общественную палату собирать, это общественность захотела.

Владимир Никитин: У меня есть техническая...

Евгений Карась: Демократия была организована.

Владимир Никитин: У меня есть техническое предложение, я тоже иногда участвовал в организации всяких дел, есть еще один способ. Список делится на 2 или 3 части, есть, допустим – 30 человек должно войти в совет, 20 человек должно войти в совет, мы должны определить оптимальную часть.

Юля: 9.

Владимир Никитин: И есть три способа или 2 способа делегирования в этот совет – треть мест отдается победителям общего списка, треть мест отдается по профессиональному признаку, и там треть мест, не знаю, еще может третий признак. И пополам, не предусматривает единого одного универсального способа попадания в список. Это конечная процедура, по общему мы можем продолжить или использовать процедуру опроса. Это можно сделать за неделю. Профессионального, чтобы выбрать эту следующую треть списка. И не знаю, можно еще предусмотреть там процедуру, не знаю, какую хотите от иногородних, от кого другого, кто предложит еще, от начальства. Но какой-то третий способ, который тоже посчитаем важным. Потому что, ну, не можем мы примирить вот эти две вещи – известность или популярность, и профессиональность. Они абсолютно не совпадают, это редчайший случай, когда профессионал, ну, понимаете, я может там все-таки что-то в архитектуре понимаю, доктор все-таки и так далее. Я был бы в ужасе, если бы мы повторили пример Бильбао, когда музей современного искусства поручили модному архитектору Гери, он построил аттракцион и все туда едут.

Константин Колесников: Эффект Бильбао существует.

Владимир Никитин: Да, туда едут, но ты хочешь, чтобы на Андреевском спуске был Бильбао.

Евгений Карась: А может быть здесь сделать предварительный список на основании рекомендаций профессионалов, а потом...

Юля: А мы на основании чего этот список делали? Пипл выбрали Олега Скрипку и Олега Михайлоту.

Евгений Карась: Как он туда попал?

Юля: Скрипка туда попал? Потому что активисты сказали: «позовите туда Скрипку», - на Facebook.

Владимир Никитин: Давайте сделаем первый процедурный шаг. Поддерживает кто-то мое предложение или нет, формировать список несколькими способами.

Петр Маркман: Поддерживаем.

Константин Колесников: Поднимите руки, пожалуйста.

Евгений Карась: Одна реплика, здесь собрались лучшие архитекторы, там галерист и так далее, и мы решаем абсолютно не свойственные для нас интеллектуальные задачи, это социология, это политология, есть может быть механизмы. Какого хрена собрались лучшие типа эксперты для того, чтобы процедурный вопрос решать?

Евгений Карась: Жень.

Юля: Жень, ты здесь между прочим, как организатор конкурса.

Евгений Карась: Поэтому два часа.... Потому что нам профессионалы дают...

Владислава Осьмак: А чем тебя вот это не устраивает, между прочим?

Евгений Карась: Вот это? По каждому пункту потом, чтобы не занимать время, расскажу.

Владислава Осьмак: Я проводила со своими студентами в Могилынке исследование, оно во многом, кстати, совпадает.

Владимир Никитин: Это изучение общественного мнения.

Владислава Осьмак: Ты же этим не занимался, голословно.

Юля: Владимир, а у меня вопрос, а каким образом, вот меня что смущает, у нас помимо общественности активной, которая интересуется вопросом, есть общественность широкая. Широкой общественности в данный момент предлагается, там реклама и так далее, то есть все, предлагается голосовать за эти 9 кластеров. Есть ли возможность вон то, о чем вы говорите, несколько видов выбора, так, есть ли возможность, не отказываясь от этого голосования, это сделать, как вы считаете.

Владимир Никитин: Значит, это мое с первого взгляда, я бы сделал профессионально, как мы обсуждали. Второе, я бы сделал по спискам и я бы сделал без всяких кластеров по доверительным людям для широкой общественности, кому вы доверяете. Все, один вопрос – кому вы доверяете участвовать.

Константин Колесников: По списку, от общественности профессиональный.

Андрей Косецкий: Так, а списки тоже входят.

Владислава Осьмак: Гарантия такая, вот третья часть.

Владимир Никитин: Да, гарантия, они хотят иметь людей, которым доверяют. Пусть этих трех людей, которым доверяют или 5, из них потом уговорят трех участвовать.

Евгений Карась: А можно, я не совсем понимаю, разница между тремя, еще раз.

Владимир Никитин: Первый значит способ – это среди тех, кто занимается узко, выбираются те, кого считают.

Евгений Карась: А кто выбирает?

Константин Колесников: Профессиональные мнения.

Петр Маркман: Сами себя.

Евгений Карась: Почему это, почему не другая? Архитекторов могут, галеристов могут, там культурологов могут.

Владимир Никитин: Нет, ну так уже провели это, теперь попробовать с этим.

Максим Громадцов: Я просто пытаюсь понять, еще раз, мы чего не хотим? Мы не хотим, вот, сказал, что мы кого-то собрали и как-то, если мы скажем, что вот эти люди 10 будут выбирать, другие 20 не будут.

Владимир Никитин: Я ж поэтому и делаю три принципа. Первый – войдут те, кому доверяет широкая общественность, они прошли через общее голосование.

Максим Громадцов: Это по сути вот это вот, только без кластеров.

Владимир Никитин: Без кластеров и вообще они могут взять морального авторитета, сказать, что он нужен нам.

Максим Громадцов: Ну, тут собственно думаю половина моральных.

Юля: Так тут общественные активисты и журналисты.

Владимир Никитин: Значит, это первый способ. Второй способ...

Максим Громадцов: Голосование такое как есть, только без кластеров, и это 1 треть, понятно.

Владимир Никитин: Значит второй способ – это вы берете там 5 человек вот как-то из этого списка тех, кому доверяют в этих кластерах и пусть они предложат.

Максим Громадцов: Что значит, кому доверяют?

Юля: То есть предлагать будет Карась, Поддеревянский, Скрипка, Олег Дроздов, Влада Осьмак.

Владимир Никитин: Первые три места, первые 4 места, чтобы снять.

Юля: Скрипка, Фагот, Кальницкий.

Владислава Осьмак: Я против.

Владимир Никитин: А кто, давайте.

Владислава Осьмак: Давайте, если можно вернемся к предыдущему пункту по голосованию в профессии, вот вы спросили, почему те будут выбирать, а эти нет. На самом деле одна из заковырок – это то, что за профессионалов голосуют люди, не принадлежащие к данной профессиональной сфере. Я понимаю, что это страшный гемморой собрать вместе музейных работников, галлеристов или архитекторов.

Юля: Вместе – вообще нереально.

Максим Громадцов: К сожалению, это не гемморой, это просто нереально.

Владислава Осьмак: Ну, понимаете, человек, не имеющий отношение к архитектуре, за архитектора на самом деле голосовать качественно не может. Потому что мы будем оценивать степень разрушительности построек этого архитектора.

Максим Громадцов: Архитекторов мы можем собрать. А вот со всеми остальными.

Владимир Никитин: Я объясню, как я попал в список профессионалов...

Юля: А вот сидит ваш рекомандатор, рекомандовавший вас.

Евгений Карась: Минуту реплики, секунду. Даже в любой профессии из 100 человек или из 1000 человек лучших 10, худших всегда больше.

Владислава Осьмак: Жень, это понятно, вопрос процессуальный, кто эту десятку вычленил и на каком основании.

Евгений Карась: Проблема демократии, вы все время... я предлагаю волонтаризм плюс демократию, а вы хотите через...

Юля: Жень, то, что ты называешь демократией, демократией не является.

Владислава Осьмак: Вот процессуально объясни мне, кто и как эту десятку определяет.

Евгений Карась: Объясняю, объясняю, вот должен, должны быть может быть какой-то цикл собеседований, то есть, заказчики должны поверить кому-то из профессионалов, которому делегируют, иначе другого не будет.

Юля: Жень, это будут люди, которые будут участвовать в архитектурном конкурсе.

Евгений Карась: А ты должна обеспечивать демократию?

Юля: Как я обеспечу демократию, если это не демократический путь. Заказчик должен поверить, причем тут демократия?

Евгений Карась: Выбирается из профессионалов.

Юля: Кем выбирается?

Евгений Карась: Архитекторы, вы между собой можете выбрать.

Юля: Это способ выбора экспертной палаты – архитекторы между собой выбирают архитекторов.

Константин Колесников: Профессиональные общественные организации выдвигают своих кандидатов, Союз архитекторов, союз, как, какой тогда механизм.

Тимур Ибраимов: Я придумал, может быть это неправильно, но это возможно применить демократию с попытками волонтаризма.

Юля: Волонтаризм у нас есть.

Максим Громадцов: Количество стоящих людей увеличится, как-то я вот немножко.

Тимур Ибраимов: Задница, у вас жарко, у вас просто примыкает, прилипает попа. Так вот, что предлагаю, у нас есть, согласен я, не согласен я, но у нас есть список людей, которые уже попали в эту группу. Дальше, давайте мы разберем этих людей все-таки по профессиям. Там есть ошибки, очень большие.

Юля: Так укажи на них, я тебя прошу.

Тимур Ибраимов: Помолчи, ладно, извини. Дальше, когда мы разберем их по профессиям, пуская внутри каждой профессии группа, которая попала в список от себя или из себя выродит кандидата одного или двух. Все, и мы сформируем совет. Группа людей,

которые попали в профессию, но теперь, если говорить, ты, Юлечка, перебиваешь. Где ошибки, давай сядем вместе со списком, но это технический вопрос, зачем это обсуждать.

Юля: Потому что публично критикуешь, будь добр, публично предлагай решение.

Тимур Ибраимов: Да елки-палки, почему написано?! Влада попала туда, этот список 100 человек – это сейчас обсуждать надо, это технический вопрос, он не рассматривается, то есть 2 часа потратить. Сели за комп, быстро сделали, все.

Юля: Пока это не начинать, это все демагогия.

Тимур Ибраимов: Демагогия – буквальный перевод народа...

Владимир Никитин: Второй подход – использовать каким-то образом данный список для того, чтобы отобрать профессионалов, это второй подход. Третий подход.

Тимур Ибраимов: Широкая общественность, как профессиональные...

Владимир Никитин: Это уже обсудили.

Константин Колесников: А третий, третий какой может быть, должен быть с общественностью связанный.

Владимир Никитин: Вот у вас есть общественность, которая занимается спасением Киева.

Владислава Осьмак: Конечно.

Владимир Никитин: Им можно доверить отдельно, там, в совете два-три места. Нет, я знаю, я с ними имел дело уже, я, но это мой личный опыт, я же не собираюсь его..

Петр Маркман: Владимир, вот у меня вопрос, какой смысл вы вкладываете в ваш вопрос, если люди, которые занимаются спасением Киева, в чем есть сущность спасения Киева, вот как вы видите?

Владимир Никитин: Я этого не понимаю, я знаю, что такие люди, которые сидят так называются.

Петр Маркман: Люди – это хорошо, но что потом? Вы обратили внимание на третью с конца страницу, которая показывает, что хотят видеть. Очень просто, они не хотят видеть Барселону, они хотят видеть Прагу и какие-то еще домики, и какой-то серенький такой бессмысленный.

Владислава Осьмак: Вы меня извините, у нас есть закон об охране культурного наследия.

Петр Маркман: Он фигня.

Владислава Осьмак: Начинается.

Петр Маркман: Вот мы, я смотрю вперед, конечный, после того, как не дай Бог, тут уже все эксперты выскажутся, примут и потом будет наконец построено и очень быстро будет построено, будет энергично форсировать. И вот мы сейчас сидим в здании Пети Ширяева, уважаемого человека, члена комиссии по государственным премиям, это есть высший пилотаж, был его, когда он делал весь этот квартал. Ну, при всем моем переисполнении перед ним, но особо экстаза, при все том, что хотел какую-то структуру. Ну, это все таки на палацу Божий. А рядом, но это еще очень хорошо, а рядом, пока мы говорим, там жужжат пилы, болгарки, строят такое с башней тоже. Это сегодня строят на этом самом Подоле, где существуют защитники, то-се, пятое-десятое, даже архитекторы. Так вот, от этого как-то становится, честно говоря, ну, не по себе. Мне кажется, что эти методы подтасовки общего нашего мнения под то, каким должен был бы быть Киев, они приведут, лучше бы Бильбао. Я хотел тебе сделать такую ремарку, там, у Ильфа Петрова, есть один из пиратов суетится, говорит: «сегодня опасливые режиссеры, а я очень боюсь, не получится ли какой Эйзенштейном вот это». Не волнуйся, снимай, какой Эйзенштейн получится. Так пусть лучше будет Бильбао.

Владимир Никитин: Это давай не обсуждать.

Петр Маркман: Так это же очень важный момент.

Владимир Никитин: Нет, важный момент...

Петр Маркман: И деятельность этой группы.

Владимир Никитин: Давай все-таки посмотрим на конечный. Нам нужно, во-первых, вписаться в какое-то время, во-вторых, чтобы не было у людей, которые собираются вкладывать деньги, претензий, что они это сделали неприличным способом. Поэтому...

Петр Маркман: То есть приличие им обеспечить.

Владимир Никитин: Да, представь себе, в том числе, в том числе. В том числе обеспечить приличие.

Петр Маркман: Надо понять, что под этим подразумевается, мы подыграем.

Владимир Никитин: Нет, под этим подразумевается, что к общественному совету не будем массовых.., претензии будут в любом случае, не будет массовых претензий, что это искусственно созданное под решение частных задач их структуры. Потому что все равно произойдет то, о чем говорит Духовичный, в результате, а это частная промежуточная задача.

Петр Маркман: То есть, если я понял правильно, то наша задача вместе с инвесторами, да, вот этот прецедент, можно ли сказать, что вот то, что сейчас делается – это впервые в таком масштабе делается в Киеве, да. Тогда давайте относиться к этому ответственно, и не сделаем так, чтобы он скукожился опять в какие-то левые дела, имитацию там чего-то, вот это я вижу сверхзадачу, я не знаю способов пока что, но мне кажется, что надо смотреть на эти вещи без угрюмства, присущего обычно вот таким советам, знаешь. И без того, что совет нужен для того, чтобы, в конце концов, кому-то надо идти к детям, надо с чем-то согласиться или кого-то выдвинуть. Вот я предлагаю это делать веселее как-то.

Юля: Ой, я за.

Петр Маркман: Понимаете, потому что будет резонанс, который мы от себя вольно-невольно эти волны распространяем. Он отражается и в общественном сознании, которое уже запугано этими междусобойчиками и «зашорено» до неприличия. Надо дать, наверное, какой-то посыл искусственный или естественный, что-то очень открытое, площадка, но в то же время, которая тратит свое время на то, чтобы структурировать какие-то мнения и выдать это опять туда в виде чего-то культурообразного, Платонова диалога. Вот это я вижу сверхзадачу, потому что иначе мы сымитируем деятельность и сведем ее....

Владимир Никитин: Задача стоит сегодня, просто: обеспечить механизм перехода от общественного мнения к профессиональному, к запуску профессионального процесса.

Петр Маркман: А профессиональный процесс, как называть, в конце концов, архитектурное проектирование?

Владимир Никитин: Ну, выработка задания на проектирование.

Петр Маркман: Когда к ней идешь, идешь к архитектурному проектированию, и только на архитектурных образцах, на основе там конкурса, я слышал, можно будет увидеть результаты вот этого советования, да, как это отразится на них правильно. А вот насчет профессионального, этот вопрос очень сильно озадачил, потому что я, например, знаю Аллочку и Владика Ковсана, это ученые с именем. Они очень приличные люди, они живут на Ирбалу и, но только в том, что в Филармонию мы вместе ходим, тут наши вкусы совпадают. Но если я спрошу у Аллочки или у Димы, что тут построить, поверьте мне, ответ будет, наверное, близкий к вот этим трем.

Владимир Никитин: Естественно, естественно.

Петр Маркман: И с другой стороны, ты же знаешь опыт строительства Freestyle Palace, когда садовник в Пегстон выиграл, благодаря все-таки тому, что королева понимала, уже отменили тот проект. Построили, наконец, предтечу всей современной архитектуры, тоже вопрос об этом профессионализме.

Владимир Никитин: Садовник – это там очень лукавое

Петр Маркман: Ну, не садовник.

Владимир Никитин: Поэтому не надо.

Максим Громозцов: У меня большая просьба ко всем, вы каждый пришли сюда со своими интересами, со своими какими-то задачами, целями, проблемами каждый со своей колокольни смотрит. У меня большая просьба, попробуйте теперь посмотреть с нашей колокольни, вот я покажу, как я буду выглядеть с нашей колокольни. Есть проблема, проблема в том, что мы поступили неправильно. И мы за это несем ответственность, мы хотим сделать для города что-то действительно хорошее. Да, тут попытались найти путь решения. Путь решения был такой – нам нужна какая-то самоорганизация общественности, которая нам поможет это сделать правильно. Дальше мы пытались понять, как это можно

сделать. Это вопрос сложный, миллион вариантов есть хорошие, плохие, сложные, это не математика, здесь не посчитаешь. Что мы сделали? Мы посмотрели, что здесь делалось в принципе такого похожего в Киеве. Похожее было сделано один раз в Kiev Fashion Park, и именно поэтому обратились к Юле, потому что она уже это делала. Хорошо....

Григорий Духовичный: А что такое Kiev Fashion Park?

Юля: Скульптурный парк, но там был экспертный совет, который обеспечивает фильтр, а здесь выработка решения – это сложнее.

Максим Громадцов: Ну, дело в том, что, ну, смотрите, другого, не другого, вопрос не в том, да. Смотрите, вот дело в том, что мы пытались найти человека, который хоть раз в жизни сделал что-то похожее, да. И сделал хорошо, плохо, ну, все как бы ощущения, у меня как бы ощущение, что хорошо, не важно. Опыт есть. Юля предложила механизм, предложила его, я честно говоря, очень преклоняюсь перед Юлей, в общем, удивляюсь, как это получалось. До какого-то времени внимательно следил за Facebook, сейчас там уже просто так разрослось, что не могу. Юля попыталась свой волюнтаризм, который она предложила изначально, впитать все, что получалось, вот это меня очень удивляло, она очень редко говорила «нет». Да, то есть механизм из-за этого, к сожалению, как-то там рос, развивался, становился кустистым. Сейчас стал таким большим деревом, что пресс-конференция последняя у Юли заняла 25 минут, чтобы рассказать, как это все работает. Да, механизм есть, сейчас мы как бы пытаемся вернуться в точку, я слышу каждого, есть естественно недостатки этого механизма, есть недостатки какие-то врожденные, есть недостатки в исполнении, мы естественно где-то на сайте что-то правильно написать.

Антон Гливинский: Ну, это, прежде всего из-за того, что у нас корректируется процедура, она реально корректировалась очень много, кто следил за Facebook, тот прекрасно видели то, что изначально была одна схема, потом вторая, потом третья.

Максим Громадцов: Вот смотрите, на сегодня есть процедура, то есть вот вернуться, если бы сейчас кто-то пришел и сказал вот тут на бумажке в 5 секунд идеальную процедуру, в которой нет недостатков, мы бы вообще забыли об этом. Такого пока вот, честно, я пока, к сожалению, не услышал. Есть набор других процедур, они чем-то лучше, чем-то хуже, в каждой есть свои недостатки, но вот у меня, понимаете, у меня ощущение, что нужно с этой стороны, мы продвинулись, вот чем радикально лучше другого пока нет. Вот моя просьба или предложение, решать вам, у меня предложение, давайте все-таки в существующем процессе вот как бы... сделаем, но не будем откатываться назад, потому что это путь в никуда просто.

Петр Маркман: Поскольку вы сразу после того, как я, я понимаю, что своей репликой я в каком-то смысле, ну, вас, может быть, вы не правильно поняли.

Максим Громадцов: То, что вы сказали, мне очень понятно и...

Петр Маркман: Мне кажется, что конечно проделанное Юлей – это грандиозная работа, потому что даже просто потратить на это время, на звонки, на это дело, вряд ли бы кто на это пошел. Поэтому то, что она сделала – это здорово. Это как у Маяковского там изводишь там.... «Ради сотни тон словесных». вот на самом деле это старательская ситуация, она же в ней и опыт приобретает, в ней и приемы отрабатываются – это очень здорово, то есть есть такая методика, наверное, есть и другие. У нас есть эта, будем работать с этим материалом, и давайте его будем обсуждать и предлагать вот это. Как это сделать – я не знаю.

Владимир Никитин: Ну, я вижу, во-первых, поддерживаю, во-вторых, с моей точки зрения это можно использовать для того, чтобы получить вот какую-то часть, половину или треть состава палат. Вторую половину получить широким этим опросом и вот этих двух половин мне хватит. Если мы это примем и решим квотами.

Антон Гливинский: Так, по сути, так по-моему и было. У нас был экспертный совет, это вот одна половина, да, то есть две палаты, но фактически мы же, я же с этого собственно и начинал, то есть, есть там, мы можем просто разграничить, там сейчас разграничить функционал и, ну, полностью отказаться от процедуры мы не можем, потому что, ну, ну, объективно, не только нас, как «ЭСТУ», всех обвинят в какой-то, как это сказать ласковой, импотенции, что ли.

Константин Колесников: Здесь процедура в схематическом виде, правильная где-то.

Юля: Правильная или нет?

Константин Колесников: Какая есть, есть она или вот эта только цветная.

Григорий Духовичный: Можно, можно, вот я хочу попытаться срезать спуск, я вот просто вижу этот обзорный подъем серпантином, а я как бывший гонный турист. Я как бы хотел срезать. Давайте так, я берусь помочь провести некий прорыв и за ближайшую неделю сделать проект. Задание на проектирование, у нас появится то, от чего мы начнем двигаться.

Юля: Как это, это должны.

Владислава Осьмак: У нас сейчас речь идет о совете.

Петр Маркман: Вы не бойтесь этого, это может быть.

Владимир Никитин: Значит я, в чем ценность предложения? С моей точки зрения пора переходить к некоторой части перевода это в действие, если бы вот те, кто понимают те ошибки и недостатки, которые связаны со списком занялись корректировкой.

Евгений Карась: Корректировкой?

Владимир Никитин: Изменением. Как его использовать по-другому, вот есть работа, что добавить, что использовать из этого, каким образом это сделать. Если бы могли за это конкретно взяться и сделать что-то там за неделю, за сколько-то дней, было бы прекрасно. Если так сказать.

Юля: Так у них же разные мнения, они же не все одно и то же думают, у них же по 3 разных мнения.

Владимир Никитин: Пусть сделают свои предложения, пусть сделают свои предложения, значит потом.

Григорий Духовичный: От чего-то оттолкнуться, поймите.

Юля: Вы предлагаете перескочить. Почему вы, Георгий Самуилович? А почему вы, вот смотрите, есть Тимур, который считает, что должен быть человек, который возьмет на себя все. У него тоже есть свое предложение, у которого тоже есть...

Владимир Никитин: Пусть сделают предложения по людям.

Юля: Как нам.

Тимур Ибраимов: Я могу сделать по людям.

Юля: Что по людям?

Владимир Никитин: Про спуск не надо, про содержание не надо, про процедуру.

Андрей Косецкий: Я хочу сейчас, условно говоря, согласиться с разными мнениями, которые здесь были озвучены, как-то их...

Юля: Тимур, будь добр.

Андрей Косецкий: То есть понятно уже, что нужен какой-то орган, который представляет общественность. Пока не понятно, какая у него будет функция и полномочия. Должен ли он решать или просто рекомендовать, но он какой-то должен быть, у нас уже есть как бы решение, вот сейчас идет процедура, что он состоит из 9 кластеров, уже есть какое-то голосование. То есть можно, не знаю, можно эту процедуру как-то менять, можно довести ее до конца и получить этих людей. Если посмотреть на первых, ну, составить его из первых лиц этого голосования, то мне кажется, ничего такого страшного не будет, тем более, если этот орган не будет, ну, как бы принимать окончательное решение, а просто будет как бы выражать мнение общественности, как бы.

Константин Колесников: А смысл общественности тогда?

Юля: Да дело в том, я же, Андрей, две секунды. Рекомендации, экспертная палата, если она не принимает, если она вдруг не принимает и не включает ее в архитектурное задание, то она обязана ответить, аргументировать, почему она этого не делает. А если общественность будет против, до победного консенсуса защищать свою точку зрения, ну, зайдите, пожалуйста, на сайте – там структура и функции совета, пожалуйста, зайдите, это написано возле голосования, возле самого.

Андрей Косецкий: В принципе, мне кажется, мы согласны, что решать окончательно должны эксперты. Поэтому с другой стороны Константин говорит, что общественность должна быть легитимизирована каким-то органом. То есть, с одной стороны этот орган будет

представлять, легитимизировать общественность, ну, я правильно, Константин, понимаю, что этот орган не должен принимать окончательное решение, или я не прав?

Константин Колесников: Он должен нормальными инструментами влиять на принятие решения, социальный заказ. Мы не можем сейчас отстранить на каком-то этапе или сделать рекомендательный характер. Я понимаю, что это будет, может быть лучше для результата, я прекрасно это понимаю, но я понимаю, что это будет нечестно.

Максим Громадцов: Никто никогда не говорил, посмотрите, у нас есть сайт, написано, я извиняюсь. Я понимаю, что не по регламенту. Смотрите, есть вещи. Которые мне понятны, есть то, что у меня в голове, есть то, что мы говорим на публику. Есть конференция, заснятая на видео, прошла уже, где Юля четко, подробно объясняла, был этот вопрос на конференции, поднимались, все это там в эфире телевизионном, да. Простой, что будет, что произойдет, если действительно общественная палата с экспертной разойдутся во мнениях. Никогда не произойдет такого, что общественная палата скажет там влево бежать, эксперты скажут вправо и все, и забудут про общественность, нету. Мы договоримся, только консенсус, другого не будет.

Юля: Публично.

Максим Громадцов: Публично.

Константин Колесников: Механизм, блок-схему нарисовать всего этого, задокументировать как-то.

Юля: Как же нам документировать, если вы говорите, что мы не правы.

Антон Гливинский: Стоп, подождите, пожалуйста, можно я короткую ремарку, я просто одну короткую ремарку и все, просто, чтобы избежать этого самого? Я написал об этом уже несколько раз на Facebook, написал о том, что мы сегодня эту встречу окончательно формализуем в некий документ, черновик которого у нас есть, и в субботу или в понедельник мы это выложим на сайте и для обсуждения в общем.

Андрей Косецкий: Таким образом, мы сформируем, у нас в результате этого голосования появился какой-то рейтинг, так бы экспертов, условно говоря, среди архитекторов есть 15-20 человек, которые там набрали какие-то голоса. Если мы среди этих, ну, экспертных кластеров, проведем как бы второй этап голосования и каждого попросим предложить трех, двух наиболее авторитетных архитекторов, получим в результате экспертный рейтинг, который, из которого мы сможем взять, например, первых двух архитекторов в экспертный совет. Это будет нормальный способ?

Петр Маркман: Нет.

Андрей Косецкий: Почему?

Петр Маркман: А потому, что остальные, куда они войдут, которые этих вот. Тут есть какая-то критическая масса, я тут посмотрел, вообще-то все достойные. Представьте, что я бы предложил такой вариант, может быть шуточный, на самом деле в нем что-то есть. Вот не надо, это вызовет только социальное недовольство, если мы будем поднимать даже вот этот рейтинг, выделять их из этих архитекторов, как наиболее профессиональных, надо наоборот, надо звать тех людей мучениками, жертвенниками, которые просто готовы, не потому, что они самые клевые. А просто готовы потратить свое время и сами отвечать за это перед всем архитектурным советом, так будет лучше. Понимаете, вот.

Андрей Косецкий: Ну дальше мы спросим, кто хочет потратить, ввязаться в этот процесс, наверное не факт, что они захотят.

Юля: Захотят, куда они денутся, общественность выбрала, чего не захотеть.

Андрей Косецкий: Заложит мину кумулятивного действия, замедленного в тот момент, когда все будут ...

Владимир Никитин: Что я еще понял? Возможно понял, не понял. не важно. Да, значит, во-первых, во-первых, процедуру эту можно доделать. Значит, я все-таки узкий специалист по процессам принятия публичных решений. Официально это написано, что я в Украине там учебники писал и так далее. Никогда никакая общественность не может выступать в роли тех, кто принимает решение, их привлекают, их слушаются, их могут включить в контроль. Но никогда они не являются по процедуре теми, кто принимает решение. У меня есть предложение. Значит, во-первых, на этапе там подведения итогов

конкурса, пусть это будет подписано, включить представителя общественности, те, кто будут рассматривать. Второе, найдем, как вот говорил Петр, какой-то список людей, мучеников, кто подготовит эти задания. Обязательно процедура обсуждения в профессиональном кругу должна это предусмотреть. Значит, тут должны быть предусмотрены процедуры от согласования с общественностью, не только с идейными лицами. Есть те мученики, которые избрали подготовить решение и есть другие профессионалы, которые могут по этому поводу высказаться. Значит, потому как всегда вот в процессах публичной политики есть эксперты, которые готовят, есть эксперты, которые это дело обсуждают и критикуют. И есть группа этих стайкохеров, которые высказываются по поводу принятого решения и вносят какие-то свои замечания, которые эксперты учитывают. Поэтому вот предлагаю еще раз остановиться на том, что мы два способа фиксируем – способ профессиональный и способ общественных авторитетов через мнения, что мы предложим процедуру участия общественной палаты в обсуждении дальнейших этапов, а не просто бросим, вот они решили и бросили. Значит, и процедуру, то же самое согласования подготовленных документов в профессиональном сообществе.

Владислава Осьмак: Согласования?

Владимир Никитин: Ну, обсуждения.

Владислава Осьмак: Обсуждения?

Владимир Никитин: Обсуждения, обсуждения. Согласование не в смысле подписи, а в смысле обсуждения. Да, вот это то, что я как бы понял из этого всего. Мне кажется, что пора переходить к практическим вещам, ну, лично я готов помочь Юле окончательную процедуру сформировать. Да, пожалуйста.

Тимур Ибраимов: Я тоже готов помочь Юле, то есть, если у нее есть час времени, мы можем собраться, во-первых, есть одна большая задница, которая нас приводит в некоторое недоумение. В результате, я имею в виду, неправильное распределение профессий. Вот у нас, к примеру, в списке профессий, вот архитекторы, можете проконсультировать, у нас есть архитекторы, ландшафтные архитекторы, архитекторы-градостроители, архитекторы-урбанисты, потом еще есть ландшафтные дизайнеры и промышленные дизайнеры.

Григорий Духовичный: Я вообще теоретик архитектуры.

Тимур Ибраимов: Это нельзя объединить в группу архитекторы?

Юля: Мы это и сделали.

Тимур Ибраимов: Все чудесно, но дальше, давайте мы еще раз со списками, зададим, то есть вот реально садимся и делаем. Задаем вопрос людям, которые в этом списке – вы кто по профессии, чтобы человек не попадал...

Юля: Тимур, ты готов помочь?

Тимур Ибраимов: Я тебе это говорю сколько раз.

Юля: Дозвонись Скуратовскому.

Тимур Ибраимов: Встречаемся и делаем, правда, а ты давай переписываться, а у меня нету времени задницей сидеть за компьютером.

Юля: А у меня есть время слушать твои истории про задницы? Ты хочешь поговорить, ты не помочь хочешь.

Петр Маркман: Вот знаешь, как ответите, я конечно не архитектор, но я считаю, что здесь...

Тимур Ибраимов: Подожди.

Юля: Не, ну скажите.

Тимур Ибраимов: Я задаю вопрос – кто ты по профессии, ты попадаешь в группу архитекторов.

Владимир Никитин: По диплому.

Тимур Ибраимов: По профессии.

Владимир Никитин: Нет уже больше профессий.

Тимур Ибраимов: Есть два признака, что такое профессия, перечислить оба могу. И что из этого?

Владимир Никитин: Изменилась ситуация в профессиях.

Тимур Ибраимов: Я ж вам об этом говорю, что есть два принципа отбора, да, что мы обсуждаем. Дальше, сформировав профессиональную среду по готовности людей, пускай эти профессиональные среды или кластеры от себя два человека делегируют в группу, выборным путем, согласен/не согласен. Дальше, общественность сюда включает.

Юля: А как это собирается, прости. Сами себя организуют.

Тимур Ибраимов: Какой смысл общаться с людьми, которые не готовы работать. Ну, какой смысл.

Юля: Полный смысл. Мирослав Попович, вот тебе пример. Прихожу я, например, к Мирославу Поповичу и говорю: «Мирослав, вы готовы участвовать в экспертном совете?». Он говорит: «Юль, я еще не понимаю, что вы создаете. А в каких числах?». Я говорю: «Я еще не знаю». Он говорит: «Ну так как я вам могу ответить?»

Тимур Ибраимов: Так я вот тебе об этом говорю.

Юля: Ты хочешь взять туда людей только, которые рвутся. Себя, например.

Тимур Ибраимов: Кто тебе, та мне нафиг это не нужно, я тебе это говорил 500 раз.

Владимир Никитин: Вы готовы внести это конкретное. Юля, прошу тебя, потратить час на изменение к списку, пусть это самое.. Есть тьма претензий, я не понимаю, почему нет писателей, поэтов, а есть музыканты.

Тимур Ибраимов: Об этом же и речь. Дальше, профессиональная среда дает кандидатов.

Юля: Потому что по предложению Андрея Косецкого мы сделали предварительное голосование за кластеры, в которой также мы с «ЭСТ-ой» обсуждали этот...

Тимур Ибраимов: И что, если это...

Юля: Можно я договорю?

Андрей Косецкий: Я, честно говоря, не помню, что бы это было мое предложение.

Юля: Давай зароемся в этот самый, вот серьезно, вот.

Владимир Никитин: Ну, что делать, а не что там.

Максим Громадцов: Коллеги, вот можно? Смотрите, вот список у нас есть, я честно, взять и выкинуть не готов.

Тимур Ибраимов: Так из этого списка и надо это делать.

Владимир Никитин: О чем же мы спорим?

Максим Громадцов: Смотрите, тратить еще 3 месяца на него мы не готовы.

Тимур Ибраимов: Нет, неделю.

Максим Громадцов: То есть смотрите, давайте. Первое, здесь есть набор без личностей, набор профессий, что с ними не так, скажите? Проблемы с набором профессий, их мало, они неправильно называются.

Тимур Ибраимов: Неправильно сформулированы, люди попали.

Максим Громадцов: Про людей я сейчас не говорю, я говорю про названия. Вот архитекторы, галеристы, культурологи, историки.

Андрей Косецкий: Возможно, набор кластеров не оптимален, именно 9, есть такая претензия, допустим, что есть там музыканты, я согласен, что музыканты там может быть не причем или причем. Есть такая претензия...

Максим Громадцов: Они уже есть, люди за них голосуют, выбрасывать, поймите тоже. Люди проголосовали, выбрасывать не можем, да.

Владимир Никитин: Надо правильно сконструировать.

Тимур Ибраимов: Никто не говорит, что выбрасывать людей.

Максим Громадцов: Давайте, вот смотрите, давайте структурировано, мы идем сейчас по первому, вот сейчас первый вопрос, вот просто простой, вот у нас есть 9 профессий, выбрасывать нельзя, добавить можно или...

Евгений Карась: Галеристы и управляющие культурными центрами – это разные профессии.

Владимир Никитин: Разные, разные. Ответьте, пожалуйста, мне на один вопрос, только на один вопрос, если мы будем ориентироваться на этот список и если мы его доведем до совершенства, на результат это повлияет?

Максим Громадцов: Честно вам ответить...

Владимир Никитин: Я считаю, что нет.

Тимур Ибраимов: Но каждый шаг может повлиять, приблизить к результату.

Владимир Никитин: Нет, с моей точки зрения, с моей точки зрения достижение совершенства всегда мешает сделать рабочий процесс. То, что нужно - поработать с этим списком, пожалуйста.

Максим Громадцов: Более или менее будет работать.

Юлия: Вот смотрите, у нас сейчас Андрей начал говорить о том, что вот, если представим себе список, если вдруг сейчас уже заканчиваем голосование, кто эти люди? Кто у нас в этом списке? Это Женя, Влада, Петр Федорович.

Петр Маркман: Игорь Луценко.

Юлия: Игорь Луценко.

Тимур Ибраимов: Евгений Кальницкий.

Юлия: Михаил Кальницкий, Олег Скрипка, Людмила Губианури и Ирина Клещевская. Вот скажите, в чем проблема с этим списком? Разве вы думаете, что эти люди не способны передать общественный заказ?

Евгений Карась: Сказать в чем?

Владимир Никитин: В чем?

Евгений Карась: Сказать?

Владимир Никитин: Да.

Евгений Карась: Например, Клещевская в каком списке?

Максим Громадцов: Неважно, она в совете.

Юлия: Андреевский спуск. Жители, работающие на Андреевском спуске.

Евгений Карась: Отлично. ...

Владимир Никитин: А в чем здесь?

Евгений Карась: Ну, опять же, как житель. Дальше. Много людей голосовали.

Максим Громадцов: Вот музыканты – Олег Скрипка.

Юлия: Вот скажи, Женя, представь себе картину: ты, Влада, Петр Федорович и Олег Скрипка, Губианури, Клещевская и так далее, вы садитесь, изучаете материалы, и говорите: «по-моему, (каждый говорит) интересные вот эти, вот эти, вот эти, а ни в коем случае нельзя вот это».

Евгений Карась: Олег Скрипка, я его очень люблю и уважаю, я с ним работал.

Юлия: Он «зарубит» работу совета? Или вы, ввосьмером, сумеете его переубедить?

Евгений Карась: Нет. Просто дело в том, что в музыкантах есть более квалифицированные люди.

Максим Громадцов: Квалифицированные в чем?

Юлия: В чем?

Евгений Карась: В музыкальности? Конечно. Вообще.

Тимур Ибраимов: ...потому что человек поддерживает бедлам современный.

Юлия: Это ж непрофессиональный союз. Просто понимаете, Влада, вот серьезно...

Влада Осьмак: Задача перед этой частью совета стоит совершенно иная – это анализ высказанных гражданами предложений, формализация социального запроса...

Евгений Карась: ...профессионально.

Юлия: Нет. А потом экспертная палата.

Влада Осьмак: Где ты был только что? Мы совсем о другом говорили.

Антон Гливинский: Грубо говоря, это люди, которым доверяют. Это то, о чем я начинал все это самое, это люди, которым доверяют. С другой стороны есть экспертный совет. Вот, приблизительно схема формирования экспертного совета.

Юлия: Это не про экспертный. Это Константин рассказывал, как можно...

Максим Громадцов: Я не знаю, где здесь общественный, экспертный.

Юлия: Максим, это Константин рисовал свою схему, по словам Никиты, как это поменять.

Максим Громадцов: Нет. Это просто для меня. Просто я немножко путаюсь, о чем мы говорим. Вот мы, когда смотрим на ... список ...

Юлия: Это общественная палата.

Максим Громадцов: Прекрасно. У нас есть список, получился - 9 человек. Я не совсем понимаю, какая разница, какие профессии. Вот получился список из 9 человек. Вот, какие к нему претензии, скажите мне, пожалуйста, у кого есть.

Влада Осьмак: У меня. Претензия заключается в некорректной формулировке профессиональной принадлежности, которая повлияла на выбор людей в процессе голосования. Я попала ни в ту группу.

Юлия: У меня есть решения. Это действительно проблема, настоящая. Решение заключается в том, что, Влада, вы – просто прекрасный пример. Мы формируем список. У нас получается, что масса людей доверяет, ну, масса, много людей, доверяют Игорю Луценко, как общественному активисту, и вам. Они голосуют за вас, как за культуролога. Почему? Потому что это вы говорите, что вы в культурологии ноль, а люди вас знают, как человека, который способен так рассказать об Андреевском спуске, как вообще никто не способен. Они поэтому называют вас культурологом или искусствоведом. Вот этот вопрос мы решаем таким образом – мы добавляем в экспертный совет 2 места, 11 человек получается, и таким образом от общественных активистов входит 2 человека.

Максим Громадцов: В общественный?

Юлия: В общественный.

Андрей Косецкий: Если бы мы это не создали 1 кластер – 1 человек, то тогда были бы только общественные активисты. Таким образом, мы попытались хоть как-то туда профессионалов таким образом пропихнуть. Вот такая была идея.

Константин Колесников: Мы ж только что обговаривали, что в общественную палату формируется, ну, как минимум, двумя вещами, вот этим общим списком и еще профессиональным...

Максим Громадцов: Давайте видеть средства и цель. Цель – выбрать правильных людей в общественный совет. Правильно? Да, может быть, путь был не очень верный, позвали сурдологов. Я сам строю здания, по образованию политолог.

Влада Осьмак: Это нам знакомо.

Максим Громадцов: Суть не в том. Результат получился?

Влада Осьмак: Это ж как раз и есть большой вопрос. Выбирая меня ни в том качестве, люди делали... То есть, за кого голосовали?

Петр Маркман: И ожидать будут от нее соответственных вещей.

Максим Громадцов: Вот как те ожидания помешают выполнению ваших функций в общественном совете?

Влада Осьмак: Вопрос заключается в том, насколько это осознано, а соответственно легитимно.

Дмитрий Удин: Будет легитимно.

Юля: Влада, еще нюанс. Кто следующий за вами вот в этом списке, как культурологи и искусствоведы? Это вообще приколы нашего городка. Алексей Коган.

Максим Громадцов: Действительно предложение Юли по добавлению двух человек, оно проблему снимает.

Юлия: Да, да. Я хочу еще раз всем сказать.

Евгений Карась: А нецелесообразно конфигурацию сделать? Неважно, куда человек записанный, если он голоса получил, он попадает в совет.

Тимур Ибраимов: Там еще куча вопросов по поводу форматирования. Некоторые люди в нескольких кластерах.

Юлия: И это нормально. Я рассказывала, давайте я еще раз расскажу.

Тимур Ибраимов: Давайте по очереди. Вот наша проблема именно в этом. Даже, если мы обозначаем какие-то правила, потом происходит вот то, что сейчас происходит. Влада, абсолютно согласен с тем, что сказала ты, но помимо этого, ребята, вы из жизни или нет? В таком объеме людей-кандидатов, люди что, будут все читать, изучать? Они ищут свою рожу. Дальше – вот, я знаю все, проголосовал. Прекрасно.

Юлия: А в чем проблема?

Тимур Ибраимов: Это проблема, потому что это отодвигает тех, кто, будучи в правильной группе, мог бы занять место в общественном совете.

Юлия: Приведи пример.

Тимур Ибраимов: Раз. Дальше. Потом у меня маленькое заявление: я категорически отказываюсь входить в общественный совет.

Юлия: Удалить твой профайл?

Тимур Ибраимов: Профессиональный совет и все прочее. Удали мой профайл. Что бы, пожалуйста, в дальнейшем не говорила, что я куда-то рвусь. Я просто, когда вижу, что люди работают непрофессионально, хочу помочь. А ты воспринимаешь помощь, как я рвусь куда-то.

Юлия: Ты очень долго на Facebook пишешь о том, что нужен человек, который будет этим заниматься.

Владимир Никитин: Вот переходить на личности, это уже последнее дело.

Максим Громадцов: Вот я собственно, что говорю? У нас есть экспертный. Вот я пока не понял со списком людей, которые совпали. Вроде бы, как проблем нет. Вы хотели создать что? Список профессий экспертной палаты? Правильно я понимаю?

Юлия: Да.

Максим Громадцов: Я хочу обратить ваше внимание, потратить 2 с половиной часа на вопрос, которого даже здесь не было, в принципе, да.

Дмитрий Удин: У меня есть предложение – давайте сегодня ограничимся исключительно общественным советом, и не будем другие темы обсуждать.

Максим Громадцов: Я вам просто объясню. Вот здесь, если посмотреть, вот здесь такой хороший вопрос. Конкурс и способы выбора проекта – вот это вот главный вопрос.

Юлия: Конечно.

Максим Громадцов: Честно, я решил с вами встретиться потому, что мне вот это важно. Поймите, это вот двигает нас, это важно. Там все, что мы сейчас делаем, это способ, средства, которые придвинут нас к тому, что мы правильно ответим на этот вопрос. А мы застряли не то, что на полпути. Давайте вообще туда ходить не будем. Давайте к сути переходить. С общественной палатой, вроде бы, проблем вообще нет. Ну, то есть проблема по распределению, она снимается добавлением двух человек. Давайте об экспертном общаться.

Влада Осьмак: Давайте будем голосовать тогда за кластер профессиональный.

Максим Громадцов: Давайте, Юля, к первому вопросу пояснения перейдет, наконец-то.

Юлия: На самом деле, смотрите, я хочу сразу выступить с предложением. По поводу списка профессий в экспертный совет. Исходя из различных интервью, которых мы провели, стало понятно, что архитектурное задание должны писать архитекторы. Поэтому палата экспертная должна, толи на 2/3, толи на 3/4, толи полностью состоять из архитекторов. Есть специалисты, о которых говорили в процессе обсуждения – гидрогеологи, управляющие культурными центрами и археологи. И есть предложение вот эти 3 профессии в палату не включать, потому что в разработке задания для конкурса они не имеют равным счетом никакого отношения, но, разумеется, предоставить в распоряжение экспертной палаты всю информацию, связанную с их вопросами, в виде докладов.

Андрей Косецкий: А конкурс чего? Простите. Конкурс архитектурный?

Юлия: Экспертная палата. Мое предположение, что там должны быть все-таки 3/4 архитекторов, и там должен присутствовать толи историк архитектуры, толи искусствовед, толи культуролог, толи 2 вот таких человека. То есть, из категории очень широкой искусствоведов и культурологов, теоретически, мне кажется, там должны быть...

Максим Громадцов: А сколько всего человек?

Юлия: 9. А лучше 7. Честно, если будет возможность ограничиться семью, будет лучше.

Владимир Никитин: Я понимаю, что лучше всего это скажут практикующие архитекторы. Но у меня такое представление, что там должны быть кроме архитекторов, еще представители инвесторов, или тех, кто будет с этим работать или эксплуатировать.

Максим Громадцов: Нам там строить руками, мы рядом будем сидеть, мы никуда не денемся.

Тимур Ибраимов: Этот экспертный совет, они вырабатывают основное, дальше пойдет просто рутинная работа, вот этим мы и займемся.

Владимир Никитин: С моей точки зрения, человека, который занят вопросами организации выставок всяких публичных мероприятий, потому что, если это будет универсальное здание, нужны какие-то организационные параметры. Ну, вот человек, который понимает каким образом устраивать разного типа мероприятия и какие это ограничения.

Влада Осьмак: Даже не мероприятия, а тот, кто знает, как работает процесс в целом.

Максим Громадцов: Нас не включает в 7, 9, мы не будем туда входить. Мы должны сидеть, слушать. Тут Владислава предлагает человека из власти, вот это правильно.

Владимир Никитин: Из власти, кто-то из администраторов этого места тоже должен присутствовать.

Максим Громадцов: Они будут сидеть и смеяться, что мы между собой что-то решаем.

Владимир Никитин: Неважно. Они должны быть включены по принципу.

Евгений Карась: Можно реплику? Я почему изначально говорил про политиков?

Юлия: Давайте не включать политиков.

Максим Громадцов: А я предлагаю Александра Григорьевича Лукашенко, он хороший политик.

Евгений Карась: Юля, можно реплику? Вот почему я, когда пришел изначально, начал говорить о свойствах. Есть вещи, которые появляются сейчас. Если там мы решаем, что будет парк, там должен быть человек, который знает, как это работает. Если мы решаем, что там должен быть музей, то там должен быть музейщик. Если мы решаем, что там должны быть общественные туалеты только по общественному мнению, а нам ни хрена не надо, ну, парк с общественными туалетами, то там должен быть человек, который... Если там 80% будут общественные туалеты. Поэтому я говорил о том, что есть какие-то первоначальные свойства, которые мы можем обсудить, которые есть на поверхности.

Юлия: Их нет сейчас, Женя. Они будут по ходу работы общественной команды.

Евгений Карась: Мы говорим о том, что это должна быть внеполитическая, например, структура. Это свойства? Мы говорим о том, что это должно быть общественное управление. Это свойство?

Владимир Никитин: На архитектурное решение не влияет.

Евгений Карась: Секунду. Оно все влияет.

Максим Громадцов: Что значит, общественное управление? Это как?

Евгений Карась: Общественное управление – это когда не город управляет, не чиновник.

Максим Громадцов: Я такого просто не знаю еще.

Евгений Карась: Общественное управления ... управление Центра Сороса.

Максим Громадцов: Значит, Сорос управляет, в конце концов.

Евгений Карась: Нет. Он инициатор, точно так же, как и вы в этом случае, но отстраняется. Объясню, как это происходит. Есть наблюдательный совет, куда входят инвесторы и международные суперэксперты, есть правление, которое контролирует директоров, а директор отвечает за программу и рентабельность.

Максим Громадцов: Типа, попечительского совета.

Евгений Карась: Правление собирается раз в месяц, при необходимости 2 раза в месяц, и контролирует директора....

Максим Громадцов: Проблема в том, это здание. Не он ... канализацию чистить.

Евгений Карась: Она должны быть рентабельная.

Максим Громадцов: А вот пока вопроса нет, что должна быть рентабельная.

Евгений Карась: Так вот я бы в свойства заложил бы рентабельность.

Андрей Косецкий: Мы начали обсуждать список профессий, не поняв, что...

Владимир Никитин: Там нужны те, кто может грамотно сделать задание на проектирование. Все. Больше ничего там не требуется.

Влада Осьмак: Давайте тогда следующий шаг. Грамотно сформулировать задание на проектирование могут люди, которые знают...

Владимир Никитин: Вот профессионал, пусть скажет. Скажи, кто должен входить, примерно, в состав людей кто разрабатывает задание на проектирование.

Дмитрий Удин: На самом деле, мое мнение, что экспертный совет должен не только дать задание на проектирование, мое мнение, что экспертный совет должен дать концепцию использования этого объекта.

Максим Громадцов: Нет. Концепция использования это общественная палата.

Юлия: Концепция использования будет разрабатываться участниками архитектурного конкурса.

Андрей Косецкий: Неправильно.

Юлия: Как?

Евгений Карась: Кем и как это будет использоваться.

Юлия: Там есть задания и четкие рамки.

Евгений Карась: То есть, можно сказать, что это будет музей, но что и как...

Владимир Никитин: Что ты здесь не понимаешь?

Андрей Косецкий: Я не понимаю, кто решает назначение этого объекта, кто продумывает концепцию использования этого объекта, потому что, если это будет междисциплинарный конкурс, в котором будет решаться и концепция назначения, и его внешний вид, то почему в основном архитекторы входят?

Владимир Никитин: Дело в том, что шел разговор о том, что должен быть человек, который занят вопросами, каким образом будет эксплуатироваться, и это должно быть организовано.

Андрей Косецкий: Смотрите, как я вижу. Общественный совет, как орган, не состоящий из экспертов, а общественных деятелей, как мы сказали, которому доверяют, он может в целом обозначить идеи, какие ему нравятся. Дальше должны эксперты, вдохновленные, которых имеет в виду Тимур, разработать, продумать эти идеи.

Владимир Никитин: Это является частью проектного задания.

Максим Громадцов: Мне казалось, что Юля сделала много, чтоб это всем объяснить. Я так понимаю, что даже вот люди, которые погружены в процесс, до конца не понимают. Вот то, о чем мы говорили, что я видел, что родилось в обсуждениях, то, что мы презентовали на пресс-конференции. Вот у нас есть общественный совет. Его главная задача сказать, что здесь нужно построить что-то. Что? Функциональное назначение.

Тимур Ибраимов: Что и как – 2 вопроса.

Юлия: Да они ж специально потому и два, что один отвечает на вопрос – что, а второй на вопрос – как. Тимур, это с самого начала говорилось.

Максим Громадцов: Я просто покажу, о чем мы говорим, а дальше будем обсуждать. Я просто хочу показать. Он говорит, что здесь можно построить, например, условно, театр или музей.

Тимур Ибраимов: Рекомендуют или утверждают.

Владимир Никитин: Рекомендуют.

Максим Громадцов: Естественно, с этой рекомендации нужно принимать во внимание существующее ограничение. У нас есть конкретный участок, с конкретной площадью, с конкретными условиями. Понятно, что там ... построить нельзя, потому что нельзя. То понятно. Они говорят что, говорят это экспертному совету. Экспертный совет должен, по большому счету, если здесь люди нормально поработали что-то, что действительно реализуемо. То есть на этот вопрос «что» есть ответ «как», экспертный совет соглашается с этим. Если предложили ... построить, экспертный совет убеждает и объясняет, что построить нельзя. Он убеждает общественность, общественность возвращается, говорит: «хорошо, ... не надо. Океанариум». Экспертный совет говорит: «океанариум тоже нельзя». И заканчивается все музеем или галереей. Функция общественного совета все-таки всегда говорить «что», а экспертного – это фильтровать и, в конце концов, сделать так, чтоб Общественный предложил то, что реально реализуемо. После этого функция Общественного

совета основная по проведению конкурса - выбрать конкретный проект, который будет реализовываться.

Тимур Ибраимов: Как?

Юлия: А это я еще...

Максим Громадцов: Я объясню.

Тимур Ибраимов: Да, нет. Извините, ради Бога, но первый совет дает «что», а второй «как» это сделать. Вот и все. Тогда это понятно.

Юлия: Это говорилось с самого начала.

Максим Громадцов: Как делать это строительство. А экспертный совет ничего строить не будет. Архитектор будет проектировать, подрядчик будет строить.

Влада Осьмак: Я не понимаю смысла двух палат.

Максим Громадцов: Вот общественный проект говорит «что», а экспертный совет выбирает. То есть, условно говоря, если общественный совет сказал: «давайте построим музей». Делается конкурс. Формат этого конкурса – это большой вопрос, какой он должен быть. Собственно его хотелось бы обсудить. Утверждать по конкурсу у экспертного совета основная задача, у него две задачи. Первая - отфильтровать «что», а второе – выбрать. Нарисуют три домика, один квадратный, один треугольный, а другой круглый, и сказать: «круглый будем строить». Круглый и побежим строить.

Евгений Карась: Можно еще вопрос к этой схеме? Первое, и очень важное, никакой совет ничего не должен решать. Это только экспертные функции, они не в состоянии вырабатывать мнения.

Максим Громадцов: Мы возвращаемся в точку один – мы сами все решаем. Мы этого делать не будем.

Евгений Карась: Секундочку. Объясню, в чем дело. Такие вещи, что строить, вот что именно функционально, это плод рабочей группы профессиональной, которая делает маркетинговое исследование. Это серьезнейшая работа, которая должна быть предложена в этот общественный совет и в этот экспертный.

Юлия: Какой проект реализовали таким образом?

Константин Колесников: Нормальные проекты. Не так, когда инвестор говорит: «я хочу здесь, что хочу».

Евгений Карась: Это рабочая группа, которая делает маркетинговое исследование, которая определяет какие там есть культурологические...

Юлия: То есть забываем про общественность вообще.

Евгений Карась: Это профессиональная работа.

Максим Громадцов: Вы очень правильно говорите, и говорите правильно в одном случае. Если бы мы с вами, со своими деньгами, у нас был бы участок и мы решили реализовать что-то культурологического назначения, правильного, на Андреевском спуске, как бы, не потерять свои деньги, а в результате еще и заработать, может быть, хорошо, вот мы бы точно так и сделали. Тут немножко ситуация другая.

Евгений Карась: То есть общественная структура говорит «что», есть серьезная экспертная структура - рабочая группа, которая вырабатывает эту схему, вычисляет точку рентабельности, когда оно начнет окупаться и так далее. Это элементарно все делается.

Максим Громадцов: Ну, по сути, это тогда и является экспертный совет.

Юлия: Жень, а чем тебе в качестве группы не подходит экспертный совет?

Петр Маркман: Она делается за деньги, и за большие деньги.

Евгений Карась: Эта рабочая группа должна вот эти расчеты говорить, что мы рекомендуем.

Андрей Косецкий: Я согласен с Евгением. Вопрос в том, в каком формате эта рабочая группа соберется и продумает эти все детали.

Петр Маркман: Это за деньги работают люди.

Андрей Косецкий: Обязательно. 7 человек не смогут этого сделать.

Максим Громадцов: Смотрите, то, что мы реализуем, у нас есть третья действующая сила, которая сказала, что есть власть, которая готова с этим жить.

Евгений Карась: Подождите. Вы хотите это все отдать власти?

Юлия: Можно, я одну фразу... Жень, можно, одну фразу?

Тимур Ибраимов: Городу.

Евгений Карась: Чиновникам, которые вот это творят?

Максим Громадцов: Кому отдать? Вам, мне? Мне не надо.

Евгений Карась: Общественности. Есть общественное управление.

Юлия: Жень, а можно мне одну фразу, пожалуйста? Знаете, есть такая идиома в английском языке «белый слон». Что это такое? Когда раджа хотел наказать кого-нибудь из приближенных подданных и не мог этого сделать, просто отрубить ему голову, он дарил ему белого слона. На поддержание белого слона в нужных ему условиях человек тратил все свое состояние, становился банкротом, и таким образом получал. Подарить белого слона – это, не дай Бог, представим себе, абсолютно нерентабельное пространство, типа музея, которое вы дарите городу, у которого из-за коррупции, тупо, нет бюджета вообще. Это белый слон.

Тимур Ибраимов: А вот это концепция использованная уже.

Максим Громадцов: Я сейчас объясню еще раз. Андрей, еще раз, без власти это решать не будем, первое.

Тимур Ибраимов: Как это будет использоваться?

Максим Громадцов: Второе, мы не управление.

Владимир Никитин: Почему мы хотим сразу решить все вопросы, да еще в жестком виде? Разговор шел о процедурах, а мы сейчас пытаемся установить какие-то...

Евгений Карась: Если это потом отдастся власти, то я не знаю, зачем я здесь что-то делаю.

Юлия: Честно, и я, вот честно. Если власти, я настолько не верю, что они хоть что-то...

Евгений Карась: Которая уложила культуру вообще, которая дерибанит бюджет.

Юлия: Они угробят любое начинание.

Максим Громадцов: Я вас слышу, правда, слышу. Вы просто, смотрите, есть ограничения. Есть земельный участок, который сейчас в собственности находится в ООО «ЭСТА Холдинг», не в ООО «Андреевский плаза», на котором были снесены здания.

Владимир Никитин: 25 метров Андреевского.

Максим Громадцов: Это участок, который на Андреевском спуске, на месте разрушенных зданий. Мы построим, очень надеюсь, что-то классное, нужное, красивое киевлянам, городу и так далее. Мы здесь построим, на этом земельном участке, «ЭСТА Холдинг» построит за свои деньги, на своем земельном участке.

Юлия: Подождите, мы говорим о вот том участке, который вы очертили, который выходит на Андреевский спуск?

Тимур Ибраимов: Не. На всем.

Максим Громадцов: Коллеги, мы не говорим о всем земельном участке.

Юлия: О-па. А почему только сейчас мы об этом узнаем?

Антон Гливинский: Подождите, не совсем так. Давайте... Стоп, подождите.

Влада: А вот это уже интересно.

Антон Гливинский: Стоп. Я объясню. Ты не совсем правильно выразился. Я постараюсь исправить Максима. Во-первых, давайте исходить из того, какой размер будет. Представьте, вы говорите построить, грубо говоря, галерею или музей, или что-то такое. Строить его на всем участке? Вот в чем вопрос. Там гектар. Мы не об этом сейчас говорим.

Константин Колесников: Не манипулируйте. Не надо этого делать.

Антон Гливинский: Я не манипулирую.

Влада Осьмак: Там давным-давно было оговорено, что там должно быть много маленького и разненького, ограниченного законодательством по этажности, и с вами лично обсуждались вопросы строительства музея.

Максим Громадцов: Давайте я исправлюсь. Я объясню, что я имел в виду. Смотрите, вот есть участок, у нас тоже есть ограничения определенные, определенные ограничения, обоснованные бюджетом, да. Если мы хотим застроить весь участок, а это гектар, отвечу так – ничего другого мы на этом участке строить не будем.

Андрей Косецкий: Какая-то парковая зона там будет.

Влада Осьмак: Зачем?

Андрей Косецкий: Бо люди хочуть.

Максим Громадцов: То есть застроить весь участок за свои деньги мы не сможем. У нас бюджет был вычислен в долларах, но на благотворительность мы 100 миллионов долларов не подарим.

Тимур Ибраимов: Хорошо. Сколько тогда?

Максим Громадцов: Этот вопрос еще не решен.

Евгений Карась: Мы когда говорим о свойствах проекта, мы говорим о бюджете, о сроках, о принадлежности к политическим, об управлении и так далее, о каких-то разных вещах, о рентабельности в том числе. То есть нам нужно сначала прежде, чем экспертные советы и так далее, нам нужно определить свойство вот этого проекта – метры квадратные. Поэтому я, когда пришел сюда, я вам говорил о том, что мы будем обсуждать свойства.

Юлия: Я ж список вопросов написала, Женя.

Максим Громадцов: Может 500 или 50 тысяч метров. Я не знаю, сколько там. Вопрос в другом. То есть, что-то городу на этом месте нужно.

Андрей Косецкий: Воспринимайте все, как сказал Владимир. Мы создаем какую-то процедуру.

Юлия: А зачем процедура при таких неизвестных?

Андрей Косецкий: Возможно, процедура нам пригодится в гостинном дворе или где-нибудь.

Влада Осьмак: ...сдавать Андреевский спуск.

Андрей Косецкий: Мы пока не знаем, кто будет управлять.

Евгений Карась: Нам нужно обсудить свойства объекта, это бюджет, это...

Влада Осьмак: Сейчас окажется, что $\frac{3}{4}$ участка опять уходит под офисный корпус.

Максим Громадцов: Мы еще раз повторяем, мы на этом участке ничего строить не будем.

Евгений Карась: Я предложил нормальную форму изначально. Почему начали что-то непонятное создавать, я не понимаю.

Антон Гливинский: Подождите. Давайте вернемся еще к одной этой, самой. Максим говорит здесь исключительно, как представитель компании «ЭСТА Холдинг». Есть еще целый ряд, например, есть еще фонд Рината Ахметова «Развитие Украины», который рассматривает возможность взять это управление. Дело в том что, чтобы рассматривать, нужно знать, что брать.

Евгений Карась: Для того, чтобы проектировать, что брать, нужно понять, какие свойства.

Юлия: Нет. Минуточку.

Антон Гливинский: То есть «ЭСТА Холдинг» может только построить на этом участке...

Тимур Ибраимов: С одной стороны, вы говорите – отдаете городу, с другой стороны - если будет что-то хорошее складываться, то фонд возьмет в управление.

Антон Гливинский: Не, не, не. Просто у фонда есть компетенции. Грубо говоря, фонд не может управлять океанариумом, правда, ну, извините, это грубо говоря.

Евгений Карась: Это политический проект?

Антон Гливинский: В смысле, политический?

Евгений Карась: Это политический проект, или нет?

Антон Гливинский: Какой?

Евгений Карась: Вот этот.

Антон Гливинский: Нет. Здесь вообще политики нет.

Евгений Карась: Это же свойства. Это не политический проект, это свойства. Я предлагаю обсудить давнее. Мы не понимаем давних, ни размера площадки, политический/неполитический, общественный/необщественный, в каком управлении? Дайте свойства – на какой бюджет рассчитывать, сроки?

Андрей Косецкий: Ну, хотя бы предварительные.

Евгений Карась: Предварительные свойства мы можем учесть? О чем мы говорим?

Максим Громадцов: И дело в том, чтобы это все учесть, для этого нужны эти две палаты, чтобы они работали.

Евгений Карась: Над чем работали? Над туалетами?

Максим Громадцов: Эта палата отвечает на вопрос «что» эксперт определяет может там быть или нет. Экспертом будете сидеть, условно говоря, вы, и скажите: «Это не рентабельно, не надо там это строить». Убедить общественную палату поменять назначение. Вот, логика какая.

Влада Осьмак: Вы говорите определить можно или нельзя. Для того, чтобы такую функцию выполнить, экспертная часть этого процесса должна обладать достаточно безопасным финансированием, потому что на многие вопросы ответ можно узнать специальным исследованием. При отсутствии четкой конфигурации между вами и нами, ну, извините за это разделение, кто будет платить за эту работу? Все, как бы, на общественных началах, да?

Юлия: Платить за работу самих экспертов?

Влада Осьмак: Ну, предположим, чтобы получить ответ на вопрос «что и как» будет работать на этом участке, нужны исследования. Маркетинговое исследование, еще что-то.

Юлия: Делаем исследование.

Максим Громадцов: Если для работы экспертного совета что-то необходимо будет, понятно, что мы ж говорим о цене не в миллион долларов.

Дмитрий Удин: Я предлагаю вернуться к исходному. Мне очень эта вещь понравилась. Ну, для меня действительно, вот как будет работать экспертный совет, если допустим «ЭСТА» горит? Мы построить-то можем, но построить, допустим, на 5 квадратных метров, не более того, или на 7 квадратных.

Влада Осьмак: Это замкнутый круг. «ЭСТА» не может ничего окончательно ответить, пока мы не выработали свое видение. Мы не можем выработать свое видение, не имея базовой информации.

Андрей Косецкий: Не. Вы преувеличиваете. Можно начать какую-то работу, не имея...

Влада Осьмак: Ради чего? Ради процесса или ради результата?

Андрей Косецкий: Ну, каким образом квадратные метры вас ограничивают?

Юлия: Жень, ты говоришь политический, неполитический проект. Вот тебе ответ: проект неполитический.

Евгений Карась: Нужно определить первоначальные свойства проекта. Я ж говорю, давайте их обсуждать.

Юлия: Так я... Можно, я.

Евгений Карась: Система. Я ж не говорю, что это не должно...

Юлия: Давайте, поговорим о том, как надо говорить.

Евгений Карась: Секунду. Я эти свойства вытягиваю из одной фразы, из другой и третьей.

Юлия: Меня при этом ты слышать не хочешь, ни меня, ни Максима, которые способны тебе...

Евгений Карась: Я ж предлагаю системно эти свойства определить.

Владимир Никитин: То есть, вы беретесь выступить за всех?

Максим: И за одну палату, и за другую.

Владимир Никитин: Меня всегда удивляет, когда выступают защитники, - я прошу прощения, я ни к вам это отношу - что они, защищая права одних, отрицают права других принципиально, или разум у других отрицают.

Евгений Карась: Смотрите, сейчас возникают какие-то свойства, которые переворачивают с ног на голову.

Владимир Никитин: Что переворачивают?

Евгений Карась: Ну, допустим. Допустим, те эксперты, которые будут вовлечены. Есть две принципиальные вещи. Первая – это никакой из этих советов не может быть собран, пока не будут понятны свойства. Кто будет управлять? Если это будет городу отдаваться, государству...

Максим Громадцов: Мы вам не скажем, пока не создастся совет.

Влада Осьмак: У меня есть конструктивное предложение.

Евгений Карась: Если городу, я просто участвовать не буду. Зачем я буду работать для...

Максим Громадцов: Если получится, что не город, оно может само себя содержать, или наш фонд. Я не могу за них гарантировать.

Андрей Косецкий: Я тоже. Они тоже пока в режиме ожидания.

Максим Громадцов: Есть 3 варианта: оно может себя само содержать, его может содержать кто-то из благотворительности...

Евгений Карась: И самое главное, никто из этих советов не в состоянии выработать системное мнение, они могут только оценочное мнение выработать. Все. Как 7 человек могут? Ну, как? Это рабочая группа должна работать.

Юлия: А чем тебе 7 человек не рабочая группа? Я не понимаю.

Андрей Косецкий: Бесплатно они не будут...

Евгений Карась: Кто? Скрипка будет работать в рабочей группе? Или кто?

Максим Громадцов: Девять человек в общественном совете, не в экспертном.

Евгений Карась: Хорошо. Экспертный совет, там 7 или 9 человек.

Влада Осьмак: Жень, можно я выскажусь. Может быть, это частично снимет твое опасение. А что если поступить следующим образом, развести во времени, на какой-то период, недели 2-3, в зависимости от того, как (ну, договоримся) выполнение функций общественным советом и экспертным. Значит, что делает общественный совет? Как я это понимаю. Он анализирует, имеющиеся на настоящий момент, данные, финализирует их, и выступает, так сказать, ретранслятором общественного мнения, социального заказа. Когда социальные заказы окончательно формируются устами общественного совета, на сцену выходит «ЭСТА Холдинг», которая проанализировав финальный результат работы общественной палаты, разрабатывает перечень того, о чем говорит Жень. И вот уже этот комплекс, условно говоря, общественное мнение и техническая часть, ограничения и так далее, выносятся на рассмотрение экспертного совета.

Тимур Ибраимов: Исходя из этого, уже формируется экспертный совет.

Константин Колесников: Да, да. Который в это время создается.

Влада Осьмак: Исходя из этого, формируется состав экспертного совета. Потому что мы, на самом деле, друзья, бежим сейчас впереди паровоза. По первой части вопросов нет. Вторая должна быть отодвинута во времени, иначе мы сами себе на головы наступаем.

Евгений Карась: Есть еще одна проблема. В этом общественном совете тогда не хватает очень важных людей, которые могут формировать видение...

Влада Осьмак: Общественный совет не формирует.

Евгений Карась: Его рекомендации формируют.

Влада Осьмак: Он не сам по себе фантазирует, он опирается на социологию и на опросы.

Юлия: И на интервью, и на всех этих людей.

Влада Осьмак: Пусть это де-факто, экспертная работа, но функция у него все-таки немного другая.

Петр Маркман: Какая разница? Совет есть? Поехали дальше. Общественный.

Влада Осьмак: Куда дальше, Петр?

Юлия: Мне тоже кажется, что оно решает все вопросы. Сам по себе процесс, не, не решает?

Максим Громадцов: Вот Владислава сейчас сказала, с моей точки зрения, идеальную схему предложила. Просто так оно отвечает на все наши проблемы. Просто сейчас оказалось, что мы сами до конца не видели, как это работает. Что вот не так в той схеме, которую Владислава предложила? В которой общественный совет предлагает, на основании опросов, интервью, формирует запрос. Условно говоря, мы больше всего хотим здесь видеть музей, после чего мы говорим, мы – это «ЭСТА Холдинг», говорим, что если это музей, там есть вот такие-то условия, вот так это может быть. И вот это получается, как бы, так выяснить.

Мы понимаем, кто нам нужен в экспертном совете, чтобы это оценить. Будет конкурс, будем решать, можно это делать или нет.

Тимур Ибраимов: Я первый против этого. Должен после этого быть конкурс проектов, не зданий, а концепции.

Влада Осьмак: После чего, этого?

Тимур Ибраимов: После этого комплекса. У нас, к примеру, первый совет предъявил, что там, к примеру, музей. Возникает конкурс проектов музеев, в тех рамках...

Максим Громадцов: Архитектурный конкурс?

Тимур Ибраимов: Нет. Проектов музеев. Я этим занимался. Понимаете? Я не претендую, мне ничего не надо.

Максим Громадцов: Бывает еще оттягиванье.

Тимур: Я это не оттягиваю. Невозможно...

Влада Осьмак: А это не будет дублированием функции экспертного совета?

Юлия: Подождите минутку.

Тимур Ибраимов: Кто этот музей будет наполнять, чем-то?

Влада Осьмак: Это вопрос, на самом деле.

Юлия: У меня ответ есть.

Тимур Ибраимов: Это колоссальный вопрос. То, о чем я говорю, пишу все время. Потому что надо понимать, что такое проект и праект. И даже за этим проектом, имеется в виду концептуальным, должен стоять человек, у которого есть идея, он носитель идеи, и готов ее реализовывать. Без этого ни хрена не получится.

Влада Осьмак: Слышишь, ты предлагаешь вот этот конкурс перед...

Юлия: То есть мое предложение не интересно?

Влада Осьмак: Я хотела задать вопрос. Ладно, я потом его задам. Ты этот этап предлагаешь перед формированием экспертного совета параллельно или вне.

Тимур Ибраимов: В экспертный совет может входить тот, кто...

Влада Осьмак: Значит перед. Я поняла.

Тимур Ибраимов: Он включается в экспертный совет со своей стороны, иначе невозможно. Женя то же самое говорил.

Влада Осьмак: ...проводит конкурс.

Тимур Ибраимов: Конкурс чего?

Влада Осьмак: Концепции проектов. Правда, Тимур. Проводит «ЭСТА», проводит общественный совет. Это серьезный вопрос.

Тимур Ибраимов: Смотри, вот у нас есть совет. Да? Мы «родили», к примеру, музей для удобства, просто для удобства музей. Дальше «ЭСТА» говорит: «мы можем осилить проект музея в таких-то кондциях». Объявляется конкурс. Допустим, ты – музейщик, Петя – музейщик. Вот у вас есть два конкурса, два видения, опыт работы. Дальше принимает... Это самый сложный вопрос. Возможно, что общественный совет, что более интересно, возможно, экспертный. Решаем. Выиграл Петя. Это самый сложный вопрос. Почему я говорю, что мы не готовы. Структуру надо менять. Выиграл Петя. Дальше Петя входит в экспертный совет.

Сергей Данилюк: А кто сказал, что он выиграл?

Юлия: Да, кто сказал, что выиграл Петя?

Тимур Ибраимов: Общественный совет. Возможно, надо менять структуру. Дальше.

Дмитрий Удин: Не. Надо процедурный вопрос, кто решает.

Тимур Ибраимов: Дальше он входит в экспертный совет, в котором только профессионалы и тот, кто является, по сути, носителем задания, который знает, что ему нужно. После того можно что-то делать. До этого, либо мы будем проектировать ради проектирования, либо мы будем летать в каких-то облаках создания неизвестно чего, не имеющего под собой основу.

Влада Осьмак: Тимур, извини, пожалуйста, на каком основании, условно говоря, носитель проекта должен входить... Тебе не кажется ли, что подобная структура... Я понимаю, что это свежо, это только «родилось».

Тимур Ибраимов: Не свежо.

Влада Осьмак: Почему заказчик, условно говоря, носитель проекта должен входить в состав экспертного совета?

Тимур Ибраимов: Это элементарно.

Дмитрий Удин: Это для него. Под его концепцию создается.

Евгений Карась: Можно ремарочку, реплику. Дело в том, что проект нужно писать в любом случае. Это не функции совета. Это функции какой-то группы разработчиков. Вы это можете объявить как конкурс на концепции, либо заказывать, но его писать надо.

Влада Осьмак: Кто вы? Чего ты меня приписываешь?

Евгений Карась: Вот здесь «вы» непонятно кто «вы»?

Влада Осьмак: Вот именно, кто объявляет конкурс и кто принимает решение по конкурсу? Экспертный совет не сформирован еще.

Петр Маркман: Извините. Можно, мне сказать 2 слова? Потому что коснулось таких моментов, в которых даже я, честно говоря, понимаю, считаю, что я понимаю. Я не готов сейчас собрать все то, что здесь сказано. Очень много важного говорится. Но когда дело доходит до вот этого определения - что, как, и слово «концепция» слышится. Ну, сегодня оно, это слово, девальвировано, потому что концепция называется, вот 250 планшетов – это называется концепция Генерального плана. На самом деле, если посмотреть Википедию, концепция – это одна фраза или одно слово, это высшая планка. Ну, вот концепции – это есть некая верхняя планка, самый главный смысл, и он не предполагает никакой формы. В слово концепция выражается вот этот смысл. Как участник концептуальных конкурсов, архитектурных, очень многих, с давних времен, действительно эти концептуальные конкурсы и конкурсы конкретные, они отличаются просто радикально. И вот, когда самые знаменитые концептуальные конкурсы журнала ..., с огромными призами, которые судили крупнейшие японские архитекторы, они задавались в следующей форме – например, это мог быть дворец.

Владимир Никитин: Дом для супер-звезды.

Петр Маркман: Дом для супер-звезды. Что это за дом? Какая супер-звезда? И проводился список от Майка Тайсона до Владимира Владимировича Ленина. И вот представление архитекторов, которые участвовали в этом конкурсе, в независимости от их ... и роста, они могли быть совершенно любые. Это могла быть яма, это мог быть небоскреб. То есть от тех, кто объявляет конкурс концептуальный, зависит очень важный момент - они задают некий смысл. А широту охвата этих смыслов или то, что они получают, они не задают. И это не архитектурный проект. Это не тот проект, где нужно давать задание.

Влада Осьмак: Это все понятно.

Петр Маркман: Поэтому вот эта концепция... И вы суть поняли, меня. Тут как раз мы близко подходим. Ведь сам участок... Многие люди здесь заявили: мы не знаем ни площадь. Даже если, грубо говоря, здесь бы стоял макет этого участка, разговор, может быть, был бы более предметным. Поэтому мы знаем, что этот участок находится в неких топологических, топографических, топонимических каких-то категориях. Это есть как раз категория концепции. Потому что такого места, где есть угол, где есть улица, вообще-то везде много. Поэтому, чтоб просто продвинуться, у меня нет рецепта сейчас. Задал концептуально, там, дом на перекрестке, условно, дом под кармой, не дом под кармой, что-нибудь еще. Вы задаете рамки концепции. И что мы из этого получим? Вот Тимур Ибрагимов говорит, что концепцию должен был кто-то... Я сейчас задумался, может и у писателей есть какие-то концептуальные...

Юлия: Они говорят в интервью своих, писатели.

Петр Маркман: Может у музыкантов есть концептуальные какие-то произведения, или замыслы какие-то. Ну, мы близко очень сейчас к тому, чтобы не проскочить очень важный момент... Понимаете? Вот этого я, как архитектор, больше всего боюсь. Потому что, если вы действительно заинтересованы в том, чтобы оставить здесь какой-то рекорд, не в смысле поднятия тяжести, а что мы собрались здесь не зря, что мы можем нечто новое в практике проектирования, принятия решений, в службе городу этому, можем сделать. Это будет очень здорово. Поэтому скажу, что этот этап концептуальный очень важен, и не надо

его бояться. Единственное, что меня пугает – это временные сроки. Понимаете? Временно, быстро сделать как-то, это меня пугает, честно говорю. Это не мой вопрос, я просто хотел...

Евгений Карась: Если правильный алгоритм, можно сделать все быстро.

Петр Маркман: Не знаю, Женя. Не знаю, какой правильный алгоритм, как делать быстро. Поэтому прозвучало вот это слово «концепция», я считаю, что на нем надо сосредоточиться, и в правильном понимании оно может быть хорошим таким, что ли фильтром, с одной стороны, а с другой стороны - лакмусом вот в этих двух палатах не очень понятных.

Юлия: Давайте господину Никитину дадим сказать, ему уходить надо.

Евгений Карась: У меня реплика к этому, и я ухожу тоже. Можно? Одну реплику, маленькую.

Владимир Никитин: К чему?

Константин Колесников: К тому, что Петя сказал и Тимур. Маленькую. Наверное, может я ошибаюсь, Тимур имел в виду концепция проекта, тот, который потом будет ее и воплощать. То есть, фактически, это уже входит в понятие ... той территории, управления. Сейчас мы говорили... Момент здесь появляется. Появляется человек, который выигрывает возможность реализовать это. Сейчас мы все делаем непонятно для кого. Кто этим будет дальше заниматься, управлять? Построить неважно – туалеты, здания вот здесь. Все. Закрыта тема. Вот в чем нюанс, где появляется момент, когда и кто принимает решение, что да, он начинает этим управлять?

Юлия: У меня есть ответ на этот вопрос.

Владимир Никитин: Во-первых, давайте как-то завершимся. Есть вещи, которые договорились, есть вещи, которые не договорились, есть вещи, которые остались просто из-за непонимания слов по-разному. Потому что, допустим, концептуальный конкурс они никогда не реализовали. Это их принципиальная установка.

Евгений Карась: Конкурс проектов, а не концепции.

Владимир Никитин: Значит, конкурс проектов. Вы делаете лишний этап. В понятие задание на проектирование входит концепция проекта, и ее надо обсуждать. Задание на проектирование – это и есть концепция проекта.

Евгений Карась: А что вы хотите задать проектировать?

Владимир Никитин: Вот это же и для этого и собираются.

Евгений Карась: Мы поняли, что с общественной палатой делать.

Владимир Никитин: Значит, общественную палату надо делать.

Антон Гливинский: С общественной палатой мы закрываем тему, все нормально. Мы продолжаем.

Владимир Никитин: Да, да.

Юлия: Я в свою очередь обращаюсь с просьбой: пожалуйста, Тимур Ибрагимов и Константин Колесников, вы сказали убрать свои профайлы, и не проголосовали. Может, вы включитесь все-таки, и проголосуете?

Владимир Никитин: Значит, по общественной палате понятные шаги, примерно, как ее закончить. Это работа со списком, это работа с широкой общественностью. Вопрос то, что вы подняли, чем должна закончиться работа общественной палаты? Если общественная палата задаст некоторые вот те свойства, то это нормально. Просто вот решите, что общественная палата должна сделать в итоге – описание продукта деятельности общественной палаты, и продолжает ли она участвовать в обсуждении проектного задания и конкурса?

Евгений Карась: Кто формирует проект?

Максим Громадцов: Появился очень правильный вопрос. Петр, появилась новость, о которой мы думали. Если мы говорим «строим музей» - какой музей?

Петр Маркман: Правильно.

Максим Громадцов: Кто определяет содержание этого музея?

Юлия: У меня есть предложение.

Петр Маркман: А для чего проект при такой, если вы создаете рабочую группу? А что они делают?

Владимир Никитин: А что значит, такой?

Петр Маркман: Такой вот профиль.

Максим Громадцов: Вопрос только яйцо или курица. Никакая экспертная группа не создает проект, они могут только оценивать.

Евгений Карась: Создают рабочие группы.

Владимир Никитин: Экспертная группа только оценивает.

Максим Громадцов: Юлия по полчаса пытается говорить, что у нее есть ответ на все наши вопросы, давайте послушаем, что она хочет сказать нам.

Юлия: Пожалуйста. Смотрите, общественная палата получает на свое рассмотрение банк идей. Идеи высказываются в интервью, идеи присылаются в виде картинок, уже у нас есть, идеи у нас присылаются в виде описания проектов, они приходят через форму на сайте, они есть в голосовании. Это большой банк идей. Общественная палата выбирает из этих идей, консенсусом говорит: «вот эти 5 идей нам кажутся наиболее релевантными для этого пространства». У этих всех идей есть свои авторы, они от кого-то поступили. В тот момент, когда начинается архитектурный конкурс, архитекторов, которые участвуют в конкурсе, мы обязываем с этими авторами сотрудничать, с этими авторами идей. Все.

Евгений Карась: Вот, единственный вопрос.

Владимир Никитин: Это все не работает.

Тимур Ибраимов: Абсолютно. Потому что нет носителей идей.

Юлия: Как нету, если человек ее предложил?

Тимур Ибраимов: Ты понимаешь, о чем речь.

Евгений Карась: Почему я говорю о свойствах.

Тимур Ибраимов: Вот именно.

Максим Громадцов: Коллеги, смотрите, проблема, понятно, в том, кто будет дальше управлять на самом деле.

Евгений Карась: Не только это.

Максим Громадцов: Одно из свойств. Смотрите, сейчас ответа на него нет. Это вещь, которая всплыла, и над которой надо подумать. Давайте над этим поспим.

Евгений Карась: Государству нельзя отдавать.

Андрей Косецкий: Возможно, ... этого конкурса, вы поймете, какая конкретная идея может быть, она такая классная, что вы готовы ее поддержать.

Евгений Карась: А мы это должны понимать, или не мы. Вот я этого не знаю.

Влада Осьмак: Много вопросов.

Евгений Карась: Я готов отвечать ровно, как и другие эксперты на вопросы, но мы не обсуждаем важные вопросы свойств. Вот кому отдавать в управление? Точно так же, как и у всех - почему можем делать только так, или почему так нельзя делать. И таким образом рождается определенное очертание, хотя бы минимальное, то, что можно потом заложить в концепцию.

Максим Громадцов: Проблема у другого человека может быть та же самая. Аргументы такие же самые, просто полностью противоположные.

Юлия: Они не то, что могут - будут.

Евгений Карась: Это мое экспертное мнение, я готов его отстаивать.

Юлия: А если вас 8 с восьмью разными экспертными мнениями? Все готовы отстаивать.

Тимур Ибраимов: Ребята, вот у нас сидит здесь группа с этой стороны, которая практически реализовывала проекты, и мы говорим одно и то же.

Юлия: А остальные типа дураки, и ничего не делали в своей жизни, кроме вас.

Тимур Ибраимов: Нет. Просто они этим не занимались, Юлия.

Юлия: Кто они? Посмотри на этот список. 175 человек в списке, они не занимались реализацией проектов.

Тимур Ибраимов: Я тебе говорю о том, кто за столом сейчас сидит.

Влада Осьмак: Я не занималась.

Владимир Никитин: Вот тут сидел один лауреат ... премия за проектирование. Там второй лауреат, государственная премия. Почему вы им отказываете в том, чтобы проектировать?

Влада Осьмак: Я не поняла твоего вопроса.

Тимур Ибраимов: Вы практик?

Влада Осьмак: Вообще-то, я расстроила свой музей.

Тимур Ибраимов: Вот я тебе об этом говорю. И мы все говорим об одном и том же, а теоретики, мы в теории ничего не смыслим, говорят о другом.

Юлия: Кто тут теоретик, прости?

Тимур Ибраимов: Давай не будем задавать вопросы, ладно? Ну, договориться. Я могу ответить. Когда-то, когда меня в 90-м году в Министерство выбрали, мы сидим с Рожком, который сейчас ректор консерватории, и говорим о проблемах нового театра, и до меня доходит, говорю: «подождите, что вы имеете в виду под театром». Он говорит: «здание». И вот в этом надо понять, о чем мы говорим? Мы говорим о явлении или о здании? То же самое здесь.

Петр Маркман: То есть Рожек был неправ?

Тимур Ибраимов: Для себя он прав.

Петр Маркман: Театр – это явление. Театр – это труппа.

Тимур Ибраимов: А мы построим коробку мертвую. Дальше что?

Максим Громадцов: Надо над этим поставить паузу. Думали, что вещи, которые, думали, что они как-то сами решатся, должны там построить здание, – не решились само собой. Надо об этом подумать. Давайте возьмем паузу на несколько дней.

Юлия: Тем более, мы сейчас готовим это положение. Вот есть предложение. Сейчас готовится документ. У меня есть просьба: Жень, ты, как человек наиболее, как бы, точно, что ли говоришь о списке входящей информации, ты можешь задать вопросы, ответы на которые нужны - кто управляет..? Вот этот список можешь дать?

Евгений Карась: Могу.

Юлия: Круто.

Евгений Карась: Уже есть, почти.

Юлия: Вот, значит, над этим списком сейчас в процессе. Мы в понедельник обещали выложить проект-положение. Так? Мы, значит, выложим проект-положение на обсуждение с тем, что кажется нам наиболее оптимальным. Если Владимир ... сможет с нами посотрудничать на выходных по этому поводу.

Евгений Карась: То есть, речь опять идет о смыслах.

Владимир Никитин: Я же улетаю. Как смогу. С России смогу, я не знаю.

Юлия: Просто это очень важно.

Евгений Карась: Просто есть принципиальные лица, которые сидящие здесь, кто-то либо участвует, либо не участвует.

Юлия: Подожди. Вот я ж говорю, мы сейчас обозначаем список вопросов. Мы это все, какое-то видение, по результатам формируем в это положение. Выкладываем его на обсуждение, и продолжаем беседу.

Максим Громадцов: Давайте все над этим поспим. Давайте завтра с утра.

Петр Маркман: Поспать я согласен. Можно, в сжатом виде вот эту результирующую часть, вот над чем мы должны спать, можно послать это?

Максим Громадцов: Мы изначально сегодня, когда пришли, рисовали процедуру. Процедура говорила о том, что мы строим некое здание. Как его правильно понять и что в этом здании будет, и как выбрать архитектора – это то, о чем мы говорили. Тут в процессе действительно появилось понимание, что это только половина проблемы. Вторая половина, что зданию, ему нужно потом как-то жить, в том или ином виде.

Юлия: Как-то разрулиться.

Максим Громадцов: И вот здесь вопрос «яйцо или курица?» возник или сначала надо определиться какой музей, а потом его строить, или сначала построить музей, а потом понять кому его дать в управление. И кто это должен определять, и первое, и второе, и в какой последовательности, в рамках этих двух палат – первая или вторая, или третья нужна.

Владимир Никитин: Ну, вообще, честно, я не понимаю. Потому что единственный есть путь – сначала сделать концепцию, потом ее реализовывать. И никогда архитектор по-другому не поступает.

Максим Громадцов: Все слово «концепция» понимают по-разному.

Владимир Никитин: Она автоматически является частью задания на...

Максим Громадцов: И да, и нет.

Евгений Карась: Если конкурс будет на концепцию, тогда не надо, тогда она будет в конкурсе. Но, в принципе, правильно было бы, это создать концепцию-проект. Обсудить, принять.

Юлия: Так пусть совет создаст концепцию.

Максим Громадцов: У меня много мыслей.

Влада Осьмак: Уже все надо объявить.

Максим Громадцов: Одну секунду. У меня просьба: здесь есть люди, которые не участвовали, которые тоже по этому поводу могут много чего сказать, у меня просьба, кто-то остался при своем мнении. Я, например, его сильно поменял. У меня в голове сейчас, как бы, небольшой бардак, поэтому мне надо время какое-то на это. Вот результирующее напишите завтра на Facebook, чтоб мы друг друга услышали на бумаге, еще и те, кто сегодня не были, поняли.

Влада Осьмак: Где мы пишем, чтоб всем было видно?

Юлия: В публічній мережі. Вот давайте в публічній мережі, потому что я уже, честно говоря, очень утомилась в четырех группах обсуждать это. Вот я согласна. Вы это с самого начала предлагали, но тогда этого нельзя было делать, а сейчас это можно.

Влада Осьмак: Я потому и спрашиваю.

Максим Громадцов: Я думаю, что до завтра мы это недодумаем, думаю, нам на это пару дней надо, чтобы ушло. Я думаю, на какой-то стадии нужно будет собраться через какое-то время, условно говоря, неделю.

Юлия: Я только за.

Андрей Косецкий: Мы опишем детально функционал общественного совета, и выложим, чтоб было понятно.

Владимир Никитин: До свиданья.

Юлия: До свиданья. Спасибо вам большое.